

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА **ДЖИМЕ**

СОЖ- ГИТЕ НАШИ ТЕЛА

РОРИ ПАУЭР

18+

ПЕРЕВОД МАРИНЫ ДАВЫДОВОЙ

Рори Пауэр

Сожгите наши тела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620458

Сожгите наши тела:
ISBN 978-5-6048361-5-6

Аннотация

Вопросы без ответов. Семья без прошлого. С самого рождения у Марго была только ее мама, и, хотя отношения у них не складываются, они вынуждены уживаться друг с другом в старой запущенной квартире.

Но Марго этого мало. Она хочет иметь настоящую семью, семью с историей. И когда она находит фотографию, указывающую на город под названием Фален, она отправляется туда – вот только получает совсем не то, на что рассчитывала.

Мать Марго покинула Фален не случайно. Для того ли, чтобы скрыть прошлое? А может, она хотела защитить от этого прошлого Марго?

Содержание

Один	5
Два	13
Три	28
Четыре	37
Пять	45
Шесть	53
Семь	62
Восемь	73
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Рори Пауэр

Сожгите наши тела

BURN OUR BODIES DOWN

by Rory Power

© Марина Давыдова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books,
2023

Text copyright © Nike Power 2020

Cover art copyright © Allison Reimold 2020

Я так гордилась, что не чувствую сердца.

С пробуждением приходит гнев.

Элиза Грисволд, Руины

Один

Я чиркаю зажигалкой, и между пальцев расцветает огонек. В такую-то жару. Стоит конец июня, и вездесущее солнце низко нависает над землей. Но меня это не останавливает. Пламя неровно трепещет в руке.

Свеча, которую я зажгла утром, стоит на журнальном столике. Ароматизированная, с запахом гвоздики и хвои, – мама стащила ее на работе еще в прошлом году, но мы до последнего оттягивали, жгли вместо нее остальные запасы. Простые чайные свечки или высокие церковные, которые мама принесла из церкви. Но запасы подошли к концу, и в коробке, которую она хранит под кроватью, осталось только это рождественское убожество с навязчивым, приторным запахом. Но правила есть правила. Правила нарушать нельзя.

Поддерживай огонь; огонь защитит тебя. Первое и последнее правило – я знаю их назубок. Она объяснила мне их, едва я научилась держать в руке зажигалку. Нашептывала их перед сном в темноте. Прижимала губами ко лбу вместо поцелуя. Поначалу я задавала вопросы – оно и неудивительно. Но с Джо Нильсен учишься быстро. Она ставит тебя перед выбором: или ответы, или она, но никак не все сразу, так что выбирать нужно с умом.

Я выбрала ее. И в итоге не получила почти ничего.

Я подставляю ладонь к открытому окну и проверяю, нет ли сквозняка. На улице полный штиль, но нужно убедиться, что свеча не потухнет. Мама делает вид, что ее это больше не заботит, что главное – это сам ритуал зажигания, и это действительно важно. Каждое утро, когда я зажигаю свечу, она наблюдает за мной с выражением, которого мне никогда не понять. И все-таки... Я помню, как сильно мы поругались, когда однажды она вернулась с работы и увидела голый почерневший фитиль. Больше я такого не допущу. Особенно сейчас, потому что в последнее время она напряжена, как взведенная пружина капкана.

Я сползаю с подоконника на пол и прячу голову в тени. Голая кожа липнет к половицам, на языке собирается соль. Под потолком, замазанным потрескавшейся штукатуркой, собирается голубоватый дым. Беспокоиться не о чем: детекторов дыма у нас нет. Мама сорвала их и заплатила кому-то в пожарной части, чтобы к нам не ходили с проверками. В тот же месяц нам отключили электричество, но оно того стоило. По крайней мере, с ее точки зрения. Я ходила в школу, а потом возвращалась домой и делала домашку при свете зажатого во рту фонарика. Подстроилась под ее закидоны, как подстраивалась всегда.

Я бы многое отдала, чтобы узнать, что с ней произошло, почему она такая. Надеюсь, что я не пойду по ее стопам.

Солнце уже село, и комната погрузилась в сумрак, когда я наконец слышу дребезжание ее универсала. Мама вернулась

со смены. Она работает администратором в похоронном бюро: отвечает на звонки, помогает подобрать размер гроба и заказать на поминки виски.

На лестнице раздаются шаги, но я не двигаюсь с места. Тело разомлело, отяжелело, влажный воздух пригвождает к полу. Мама вполне способна донести продукты сама.

Она заходит в квартиру вся растрепанная. Всклопоченные волосы липнут к губам, на рубашке пятно от кофе. Мы с ней до того похожи, что нас часто принимают за сестер, и это отнюдь не комплимент. Одинаковый угрюмый рот, одинаковая седина на висках. Седые волосы у меня появились рано – я уже и не помню, как выглядела без них. Порой я ловлю на себе мамин взгляд. Порой она выглядит так, будто вот-вот заплачет. Раньше я думала, что напоминаю ей моего отца – человека, о котором она никогда не рассказывает; человека, от которого я наверняка что-то да унаследовала. Но со временем я вообще перестала о нем думать. Вместо этого я начала интересоваться прошлым мамы. Гадать, от кого у нее это лицо, так похожее на мое.

– Привет. – Она щурится на меня поверх пакета, и я замечаю грязное пятно у ее левого глаза, прямо над тонким рельефным шрамом, который появился еще до моего рождения. Этот шрам – то небольшое, чем мы с ней отличаемся.

Я отлепляю ляжки от пола и подтягиваю колени к груди. Пока все идет хорошо. Обе избегаем зрительного контакта, обе спокойны – но сейчас мы нарушим тишину и все испор-

тим.

– Привет.

– Поможешь мне?

Она ставит пакет на шаткий столик у двери. Обводит квартиру взглядом. Все так, как она любит, и в центре комнаты ярко горит свеча, но она все равно морщится.

– Что, нельзя было закрыть окно?

Не дождавшись ответа, она проходит к окну, шаркая коленом по моему виску. Я слышу, как она грохочет рамой. Окно было приоткрыто на какой-то дюйм. Всего на дюйм, и другая мать на ее месте не сказала бы ни слова, даже не заметила бы, потому что никаких правил бы не было. Но она права. Окно надо было закрыть.

И все-таки могло быть и хуже. Она переплетает пальцы с моими и рывком поднимает меня на ноги. От этого прикосновения в груди что-то переворачивается. Бывает, мы не касаемся друг друга неделями: она отшатывается, если я подхожу ближе чем на пару ярдов.

– Помоги мне, – повторяет она и с заметным усилием улыбается. – Можешь перекладывать продукты в холодильник.

На кухне еще жарче, чем в комнате. Фруктовые мошки, от которых невозможно избавиться, облепили люминесцентные лампы под верхними шкафчиками. Мама убирает с лица волосы и начинает расстегивать рубашку, пока я заносу пакет. Всего содержимого не видно, но то, что лежит сверху, оптимизма не внушает. Ее нельзя отправлять в магазин од-

ну: если за ней не проследить, она принесет домой сухарики и упаковку помидорок черри или минералку и косичку копченого сыра. Если повезет, на двоих.

Дело не в том, что она обо мне забывает. По крайней мере, я так думаю. Но ее энергии хватает только на то, чтобы заботиться о ком-то одном, и этот человек всегда она.

В школе проще. Я обедаю в столовой, общаюсь с людьми, которые называют меня подругой – по крайней мере, когда я стою рядом, – и ловлю на себе испытующие взгляды учителей, которые замечают, что я хожу в летней одежде до глубокой осени. В школе я могу делать вид, что мама ничем не отличается от других родителей, что в свободное от учебы время я живу полной жизнью, а не сижу дома и жду, когда снова стану ей нужна.

Потому что иногда я действительно чувствую себя нужной. Когда она прижимает меня к себе и шепчет: «Мы с тобой одни на всем свете». И это хорошо, потому что она решила, что все-таки любит меня, но одновременно и плохо, потому что крючки, которыми мы держимся друг за друга, засели слишком глубоко и вырвать их можно только с мясом. Но мне все равно. Мы друг для друга весь мир.

Сегодня она принесла домой шесть бутылок минералки и пакет со сладким перцем. Если бы такой набор принесла я, она сказала бы, что у нас есть водопровод, а овощи слишком дорогие, но я знаю, как она ведет себя в супермаркете, как застывает и как будто бы ничего не видит перед собой. Я

молча убираю покупки в холодильник, к хот-догам и куску дешевого сыра, которые она принесла в прошлый раз.

– Чем будем ужинать? – спрашиваю я. Я уже представляю, как мы вместе готовим ужин – бестолковый и безвкусный, зато вдвоем.

Ошибка. Возможно, в другой день она бы отреагировала иначе, но не сегодня. Я вижу, как у нее сжимается челюсть и сужаются глаза.

– Чем ужинать? – переспрашивает она.

У меня еще есть шанс исправить ситуацию.

– Угу. – Я достаю из холодильника хот-доги, не обращая внимания на омерзительную жижу на дне упаковки. Надо показать ей, что я имела в виду, что сама приготовлю ужин на нас обеих. Что я не ожидаю от нее больше того, что она уже для меня сделала. – Я могу обжарить перец или...

– Если мои покупки тебя не устраивают, – рывкает она, – можешь съездить в магазин сама.

Она достает из кармана ключи и швыряет их на стол. Я запрещаю себе двигаться с места. Если я возьму ключи, мы поссоримся, и, чтобы закончить эту ссору, мне придется сесть в машину, доехать до заправки и купить пачку соленых крендельков. Иначе с мамой никак. И со мной тоже – этому я научилась у нее. Идти до конца, что бы ни случилось.

– Нет, – говорю я осторожно, – все нормально.

Но она уже завелась.

– Езжай и купи на мои деньги все что душевненьке угодно. –

Она подходит ближе и вжимает мне в грудь холодные жесткие ключи. – Давай. Не хочешь ехать – иди пешком.

Я сплетаю пальцы, чтобы не выхватить ключи, не клюнуть на наживку. Она чувствует вину. Потому и провоцирует меня на ссору. Но от того, что я это понимаю, легче не становится.

– Ну правда, – говорю я. – Я не это имела в виду.

Это не то, что ей нужно. Я это прекрасно понимаю. Но того, что ей нужно, я ей давать не хочу.

– Хочешь, я соберу тебе ужин? – предпринимаю я новую попытку. В моих силах закончить эту ссору. Я уже сто раз это делала. – Я не голодная.

– С каких пор тебя интересует, чего я хочу? – Она отворачивается, подходит к раковине, поворачивает кран и подставляет запястья под холодную воду, чтобы остудить кровь.

– Ну что ты такое говоришь! – Так и быть, если это поможет выйти из тупика, я готова немного уступить. Я возьму на себя очередную крупицу вины. Эти крупички – единственное, что безоговорочно принадлежит мне. – Прости. Я сама виновата.

Поначалу кажется, что она не услышала. А потом она поднимает голову и устремляет на меня отсутствующий взгляд, как будто я одно из тел с ее работы. Вода продолжает струиться по ее бумажной коже, пока я не подхожу ее выключить.

Она хлопает глазами. Тянется к моей щеке, касается того места, где у нее шрам. Моя кожа горит под ее холодной,

мокрой ладонью, и я невольно зажмуриваюсь.

Она подается ближе, и я чувствую рывок у линии волос. Она отстраняется, сжимая в пальцах длинный седой волос. Она поседела лет в семнадцать, позже, чем я, но я не помню, кто мне об этом рассказал, и мне вдруг кажется, что это никак не могла быть она.

– Ой! – Я вынырываю из секундного замешательства и вижу, что она обернула волос вокруг пальца, так туго, что покраснела кожа.

– Какая жалость, – шепчет она себе под нос.

Она оставляет меня разбираться с ужином и скрывается у себя в комнате. Всю ночь она проводит в ванне. Сперва я думала, что она пытается остыть, но когда я захожу утром почистить зубы, то вижу, что зеркало запотело, а краны еще горячие.

Как поддерживать огонь. Как заштопать ссору, чтобы от нее остался только шрам. Подобным вещам учишься с такой матерью, как у меня. Но чаще всего ты учишься чувствовать себя любимой без единого подтверждения любви. Я занимаюсь этим уже семнадцать лет и до сих пор не овладела этой наукой.

Два

Мама будит меня перед уходом на работу. Наши комнаты расположены рядом – по сути, это одна комната, и мамина кровать стоит за бежевой ширмой, не достающей даже до потолка, которую мы купили в канцелярском магазине. Сейчас, в сером утреннем свете, мама сидит у меня в ногах и держит в сложенных ладонях вчерашнюю свечу.

Я сажусь в постели, потирая глаза, и на ощупь тянусь к зажигалке на тумбочке. Ночная прохлада снова сменилась жарой, простыня липнет к ногам.

– Поживей, – говорит мама. – Я опаздываю.

Волосы у нее еще влажные после душа, и на сиреневую рубашку с кончиков капает вода. Она откроет окна в машине, и к тому времени, как доберется до похоронного бюро, они уже высохнут.

– Прости. Сейчас.

Над зажигалкой вспыхивает ровное яркое пламя. Раньше у меня дрожала рука, но это в прошлом. Я спокойно подношу зажигалку к фитилю и жду, когда свеча загорится. Без опаски гашу зажигалку и склоняюсь над свечой, чувствуя кожей горячий воздух.

Для мамы это особенно важная часть, и она наблюдает за мной. В хорошие дни на прощание она целует меня в висок и шепчет мне на ухо свое любимое правило. Гораздо чаще –

просто молча наблюдает, и тогда мне кажется, что это проверка, которую я едва не провалила.

— Молодец. — Она встает, и свет свечи собирается у нее под подбородком. — Спи.

Свечу она оставляет на тумбочке у кровати. Я ложусь, поворачиваюсь к ней спиной. Рано или поздно мы спалим дом и сгорим сами. Я даже не уверена, что проснусь.

Второй раз я просыпаюсь поздним утром. Телефон даже не проверяю: трафик закончился, да и кто меня будет искать? Начались каникулы, и у меня больше нет ни дел, ни компании. Впереди долгая череда дней, которые нечем заполнить. Раньше мама брала меня с собой на работу. Я сидела у нее под столом и смотрела, как двигается ее живот, как она втягивает его всякий раз, когда звонит телефон. Помню просветы между пуговицами на ее рубашке, бледную кожу с красными полосками поперек живота. Долгое время я представляла маму именно так. Тень, мягкий контур и запах похоронного бюро — запах пудры, пыли и роз.

Я встаю. С кухни доносится свист чайника. Едва слышно, но отчетливо, и я выглядываю в гостиную, откуда видно кухню. Так и есть, на плите горит конфорка. Наверное, мама забыла выключить. Я представляю, как она в спешке допивает некрепкий чай — без завтрака, потому что нормальной еды она не купила. Закрываю глаза, стараясь не замечать, как кольнуло в груди.

Когда ее нет, я люблю ее гораздо сильнее.

Вчерашняя ссора – обычное дело. Их были сотни, и еще столько же будет. Но после каждой такой ссоры меня мутит, и я всякий раз пытаюсь выжать из этого города хоть какую-то компенсацию, потому что знаю, что от нее извинений не дождешься. Впрочем, от Калхуна тоже многого ждать не стоит. Почему мама решила поселиться именно здесь – за пределами моего понимания, хотя, наверное, то же можно сказать о любом другом месте. За всю мою жизнь у меня ни разу не создалось впечатления, что маме нравится находиться там, где она находится.

Я выключаю газ. Быстро одеваюсь, натягиваю футболку и шорты, заплетаю волосы в косу. На середине косы я на секунду замираю и думаю о седине на висках, о том, как сильно она будет бросаться в глаза. Мама не любит, когда видно седину. Но я и без того много для нее делаю.

Я обуваюсь и спускаюсь на первый этаж. Из открытой двери веет легким ветерком, но липкая, пульсирующая жара не отступает, и едва я выхожу на улицу, как волосы становятся влажными от пота.

Мы живем над заброшенным магазином – фасад выложен безвкусной бирюзовой плиткой, а из всех вывесок уцелела только наклейка «Вход» на двери. Так выглядит бо́льшая часть Калхуна: время в нем остановилось, и там, где когда-то была жизнь, зияют провалы разбитых окон. По соседству с нами парикмахерская – как всегда, открыто. Как всегда, ни одного посетителя. Через дорогу склад – пустое кир-

пичное здание с выбитыми стеклами, разрисованное краской. Я нахожу свое любимое ярко-розовое граффити: «ТЫ УЖЕ УМИР» – и иду дальше, шурясь на солнце.

Я направляюсь в условный центр города, который находится в одном квартале от шоссе. В это время дня на улицах ни души. Даже в закусочной Редмана тишина – только один посетитель, и тот стоит у бара и бессмысленно пялится в чашку кофе. Иногда, когда мама на грани, я хожу к Редману, чтобы убить время, и смотрю, как мои одноклассники со скукой и надеждой в глазах шастают туда-сюда, окруженные кольцами сигаретного дыма.

Большинство из них живет в северной части города, в частных домах с отдельными лужайками. В начальной школе некоторые из этих ребят были моими друзьями, и после школы я ходила к ним в гости, сидела на их диванах, смотрела их телевизоры и ела их еду. Но рано или поздно они спрашивали, где живу я, и тогда я вспоминала свой дом, запах сырости и пустой холодильник, и наша дружба заканчивалась. Время от времени я встречаю их в школе и вижу их подержанные тачки у кинотеатра, который держится на плаву благодаря премьерам полугодовой давности.

Владелица кинотеатра – хозяйка нашей квартиры, но мы не видели ее уже несколько месяцев, и мама перестала платить за аренду – и очень кстати, потому что чем больше у нее денег, тем меньше риск, что она заметит их пропажу.

Я делаю это не ради удовольствия. Я не трачу эти деньги,

даже не смотрю на них. Просто прячу по несколько купюр в конверт, который храню под матрасом, и стараюсь не замечать ком в горле, когда представляю, как уезжаю от нее, и гадаю, что она будет делать, если однажды проснется в пустой квартире. Будет ли искать меня? Или наконец-то сможет расслабиться, потому что это именно то, на что она втайне надеялась?

Не то чтобы я никогда не пыталась уехать. Я давно обдумываю эту мысль. Иногда даже выхожу из дома, хотя мне всего семнадцать и впереди еще год учебы. Но потом в голове звучит: «Мы с тобой одни на всем свете». Это проклятие, которое мне не снять. И я остаюсь с мамой, потому что, кроме нее, у меня нет никого и ничего. Потому что она говорит, что мое место рядом с ней, и, что ею движет, злой ли умысел или любовь, я не знаю — я уже перестала их различать.

И все-таки я продолжаю искать варианты. Если мне не хватает сил уйти в никуда, значит, мне нужен человек, который захочет меня принять. Еще один Нильсен. Еще одна попытка обрести семью.

Однажды я спросила об этом маму. Всего один раз. Мне было десять, и одноклассница угощала нас на свой день рождения капкейками, которые испекла ее бабушка. Я знала, что у других есть бабушки и дедушки, и про отцов знала тоже, но, когда она положила передо мной капкейк, меня стошнило в мусорное ведро у учительского стола. И когда школьная медсестра спросила, не болею ли я, я сказала, что болею, по-

тому что это было проще, чем объяснять. Проще, чем сказать: я только что поняла, что в моей жизни есть огромная незаполненная дыра.

Я вернулась домой и спросила маму про нашу семью. Начала с отца: мне показалось, что так будет проще, что это менее болезненная тема, и я оказалась права: она просто отмахнулась. Потом я заговорила о ее родителях. В тот момент я впервые в жизни ее не узнала.

Сперва она ничего не ответила. Но встала, заперла входную дверь и села на диван, сложив на груди руки.

– Мы не сдвинемся с места, – сказала она глухо, глядя мне прямо в глаза, – пока ты не поклянешься, что больше никогда не поднимешь эту тему.

Я тогда рассмеялась, потому что решила, что она шутит. Нам ведь нужно будет поужинать, сходить в туалет, лечь спать. Но она не шевелилась, и смех замер у меня в глотке.

– Мы не сдвинемся ни на дюйм, – сказала она. – Мы здесь умрем, Марго. Мне все равно. Обещай.

Если бы этот разговор происходил сейчас, я бы не позволила ей победить. Мы бы сидели в гостиной до зимы, выжидая, пока одна из нас сдастся. Но я была совсем ребенком и к тому же хотела есть.

– Ладно, – сказала я. – Прости. Я обещаю.

Естественно, при первой же возможности я отправилась на поиски. Купила блокнот, написала на первой странице свою фамилию и направилась в библиотеку изучать отскани-

рованные газетные архивы. Единственное, что мне удалось найти, – старый телефонный справочник, но половина номеров оказалась недоступна, а на второй половине трубку брали другие Нильсены, которые знать не знали ни Джозефину, ни Марго.

Я сдалась. Решила сосредоточиться на более важных вещах. Например, на нас с мамой. Так что теперь в блокнот, который хранится под матрасом рядом с деньгами, я записываю все, что с ней связано. Наши ссоры, слово в слово. Моменты, когда она смотрела на меня так, будто действительно хочет, чтобы я была рядом. Все это доказательства, что это было на самом деле, что я ничего не придумала. Иначе с ней нельзя: она скорее будет отрицать случившееся, чем признает, что причинила мне боль.

Пожалуй, вчерашняя размолвка упоминания не стоит. До конца лета таких будет еще много. Ссора за ссорой, а следом – тягостное примирение. Все это мы уже проходили.

И когда я могу как-то облегчить этот процесс, я это делаю. Вот почему в кармане у меня несколько украденных купюр из заначки, вот почему я смотрю на витрину через дорогу. Добрую половину ассортимента в ломбарде Хартленда составляют мамины вещи. Это замкнутый круг: она спускает все деньги на продукты, которые не будет есть, а потом продает Фрэнку шкатулку, полную позолоченных сережек; не платит за аренду и на сэкономленные деньги выкупает половину сережек назад. Чистой воды идиотизм, ведь выкупать

всегда приходится дороже, к тому же я сомневаюсь, что кто-нибудь позарится на ее украшения. Их смело можно оставить в ломбарде лет на пятьдесят, и никто на них даже не взглянет. Но попробуй объясни это ей.

Я не знаю, на что хватит денег, лежащих у меня в кармане. Что-нибудь да куплю. Принесу ей и, если повезет, выиграю несколько дней тишины. Несколько дней, когда решение остаться не будет казаться ошибочным.

Я перехожу дорогу, даже сквозь кеды чувствуя раскаленный асфальт, и ныряю в ломбард. Колокольчики на двери тихонько звякают. Внутри царит полумрак, вентилятор в углу без остановки гоняет воздух, и в первую секунду мне хочется просто сесть на пыльный серый ковер и никогда больше не шевелиться. Но тут из глубины ломбарда доносятся шум и негромкое фальшивое пение Фрэнка.

На Фрэнке привычная рубашка в клетку – сразу вспоминается Рождество – с коротким рукавом и свежими пятнами пота под мышками. Фрэнк славный. Никогда не отказывает маме, хотя она приносит ему всякое барахло. Правда, и скидок не делает, когда она приходит его выкупать, но я бы на его месте поступала так же.

– Марго. – Он жестом приглашает меня подойти к прилавок, где перед ним разложен ворох чеков. – Мама придет?

Такого правила у нас нет, но мне не полагается ходить сюда одной. В конце концов, в этих коробках вся ее жизнь, ее прежняя жизнь до моего появления. Я раздумываю, не пой-

ти ли домой. Нет, я ведь просто хочу ее порадовать. Она будет довольна. Я выкуплю какие-нибудь сережки или старую одежду, которую можно перешить у портнихи.

— Не сегодня, — говорю я, проходя глубже в магазин. Вдоль стен выставлены стеклянные витрины, левую половину помещения разделяет пара стеллажей, заставленных всякой всячиной. С каждым поворотом вентилятора ценники слегка колышутся; на каждом от руки написана цифра, а под ней, через косую черту, новая цена со скидкой.

Я подхожу к витрине у дальней стены, с кассой и табуретом Фрэнка с одного края.

— Как ваша жена?

— Пока не ожила, — отзывается Фрэнк по своему обыкновению и ждет моей реакции, хотя я никогда не смеюсь. — Сама-то как?

Я закатываю глаза.

— Лучше не бывает.

Интересно, произнесу ли я когда-нибудь эти слова всерьез.

Фрэнк убирает щеки и наклоняется ко мне, опираясь ладонями на витрину.

— Ну-с, чего изволите?

Надо было пересчитать деньги снаружи. Но я забыла это сделать, а выворачивать карманы перед Фрэнком я не собираюсь. Скорее всего, там пара двадцаток — мама давно не платит за аренду одной купюрой, но Фрэнку это знать необя-

зательно.

– Пока не знаю. – Я отступаю к витрине, где обычно выставлены мамины вещи. – Я просто посмотреть.

– Ее вещей там нет. – Фрэнк выходит из-за прилавка и встает рядом со мной.

– В каком смысле? – Нахмурившись, я оглядываю витрину. На месте маминых вещей какие-то замусоленные бейсбольные карточки и пара запонок с фальшивыми бриллиантами.

– В таком, – нетерпеливо поясняет Фрэнк, – что только вы с ней их и покупали. Много на таком товаре не выручишь.

– И куда вы их убрали? – В голосе против воли прорезаются панические нотки, все тело готовится к конфликту. Если ее вещей больше нет, если он их выбросил, виновата буду я. Не знаю как, но буду.

Он смотрит на меня так же, как смотрит большинство в городе после знакомства с мамой. С недоверием и легким беспокойством – это беспокойство я ненавижу больше всего: какое право они имеют обо мне беспокоиться? Она моя мама, и, когда мне больно, ей тоже больно.

– Просто убрал в подсобку. – Он кивает на дверь позади прилавка. – Не трясись так.

– Простите. – Я сглатываю ком в горле, заставляю себя расслабиться. – Можно взглянуть?

Он жестом приглашает меня следовать за ним. Подсобка набита снизу доверху, и кажется, что без всего этого баракла

здание попросту обрушится. Одежда, книги, целые горы часов – хватит, чтобы закрыть обе мои руки до локтя. У дальней стены стоит стол – на вид антикварный, а на деле наверняка ДСП, – на котором стоят пять или шесть помятых, расходящихся по краям коробок. На каждой выцветшими черными чернилами написано «Нильсен».

– Вон, гляди, – говорит Фрэнк. – Говорил же.

– Спасибо. – Мне вдруг становится холодно, и я нерешительно останавливаюсь на пороге. – Вы можете вернуться в магазин, я сама справлюсь.

– Чтобы ты вынесла за пазухой половину материнских вещей? – фыркает он. Как будто в шутку, но при этом встает на пороге, сложив на груди руки. Я смотрю на его колени, торчащие из-под шорт, и меня почему-то начинает мутить. – Решай, что будешь брать. Ценники я не снимал.

Я непринужденно, стараясь не выдавать волнения, подхожу к столу. Это вещи мамы, которые она определила в категорию ненужных. Я никогда их не разглядывала – она делает это сама, пока я жду там, где сейчас стоит Фрэнк. Если я и прихожу сюда одна, то по своим делам – как правило, чтобы узнать, не согласится ли Фрэнк продать мне телефон получше со скидкой. До сих пор не соглашался ни разу.

– Ты не торопись, не торопись, – говорит Фрэнк, нетерпеливо постукивая по циферблату ближайших наручных часов.

– Можно подумать, у вас там очередь из покупателей, –

говорю я. Фрэнк не заслужил грубости, но я слишком взвинчена, к тому же это правда. — Дайте мне пару минут.

Я открываю первую коробку и заглядываю внутрь. Почти пусто, только на дне несколько непарных столовых приборов и сковородка, покрытая слоем застарелого жира. Я закашливаюсь, глаза начинают слезиться. Фрэнк весело ухает у меня за спиной.

— Да, прошибает будь здоров, — говорит он, когда я поворачиваюсь, чтобы отдышаться.

— На кой черт вы согласились ее купить? Я не знала, что вы занимаетесь благотворительностью.

— Зря ты так, — говорит он и гордо выпячивает грудь. — Перед тобой самый великодушный человек на свете.

Я снова поворачиваюсь к коробкам с мамиными вещами. Если в остальных то же самое, Фрэнк не так уж и неправ. Это мусор. Ничего, кроме мусора. И это довольно грустно. Это жизнь моей мамы. Неужели в этих вещах — вся ее жизнь за тридцать пять лет? Я знаю, что она родила меня рано, но об этом легко забыть, когда между нами такая пропасть. Легко забыть, что до моего рождения, до своих восемнадцати она толком не успела пожить.

Горло сжимается, но я придвигаю к себе самую маленькую коробку. Эту я раньше не видела. Внутри какие-то тряпки, и сперва я думаю, что это одежда и ее можно перешить, как я и планировала. Но потом я тяну за краешек и понимаю, что это не одежда. Это одеяло. Маленькое, мягкое, нежно-розо-

вое одеяло.

– Что, выбрала? – спрашивает Фрэнк. – Вот это? За такое я много не возьму.

Я не отвечаю. Не могу. Это было мое одеяло. Я это знаю. Ни инициалов в углу, ни моего имени на белом ярлычке, но вся эта коробка – это мои детские вещи. В горле встает ком, глаза начинает щипать. Первые месяцы моей жизни, запакованные в коробку и проданные старьевщику, потому что она не могла оставить их себе, но не могла и выбросить. Совсем как со мной.

– Нет, не это, – говорю я хрипло.

– Как хочешь. Давай поживей.

Я откладываю одеяло на стол и перебираю оставшиеся в коробке вещи. Книжка-картинка из плотного картона с отсыревшими волнистыми краями. Кое-как перешитые из футболки ползунки для кого-то невозможно маленького. Для тебя, напоминаю я себе. Это твои вещи. Но думать об этом слишком больно. Зря я вообще все это затеяла. Пора идти.

Прежде чем сдать, я заглядываю в коробку последний раз. В тусклом свете лампочки на самом дне что-то вспыхивает. Я осторожно достаю книгу в белой обложке с золотым тиснением. Это Библия. Не такая, как те, что мне доводилось видеть в церковной лавке, куда я от скуки заходила во время богослужений. Эта больше и красивее, с орнаментом на обложке, с позолоченным обрезом и плотной бумагой. Ко-

решок хрустит, когда я открываю книгу. На первой странице синими чернилами выведено витиеватым почерком:

*Если возможно, да минует меня чаша сия;
впрочем, не как я хочу, но как Ты.
Дорогой дочери в двенадцатый день рождения.
С любовью, мама. 8.11.95*

Я долго искала доказательства того, что до мамы был кто-то еще. Что наша семья существовала на самом деле. Вот и оно. Кто-то написал эти слова. Моя мама когда-то была ребенком. Я знала это и раньше, конечно, знала, но совсем не так, как знаю теперь.

– Вот это, – говорю я. – Сколько это стоит?

– Там есть ценник, – ворчит Фрэнк, но подходит ближе и протягивает к Библии руку. Я не отдаю. Просто поворачиваю к нему корешком.

– Библия? – Он вскидывает брови, и я изо всех сил стараюсь сохранить невозмутимое выражение. – Странный выбор.

– Она продается или нет?

– Да это я так, просто. – Он наклоняет книгу и вглядывается в верхний угол титульной страницы, где подписана цена. – Сорок.

Мне бы стоило поторговаться, но я больше не могу здесь находиться. Я выуживаю из кармана купюры (оказывается, ровно сорок у меня и есть), пихаю их Фрэнку и выхожу из ломбарда. Кожаный переплет Библии липнет к груди, солнце слепит глаза. Это ошибка, говорю я себе. Ошибка, ошибка,

ошибка.

Три

Домой идти не вариант. Что там делать – ждать, когда вернется мама? Я изведусь от страха и нетерпения. Вместо этого я иду в закусочную Редмана и занимаю дальний столик. Мне приносят стакан воды, но за еду мне платить нечем. Будь народу побольше, меня бы выставили. Но, кроме меня и официантки, в закусочной только тип у бара, да и тот какой-то полудохлый.

Я смотрю, как капля конденсата стекает по стеклянному стакану в лужицу на столе. Без маминых вещей перед глазами паника мало-помалу отступает, но в груди разливается тяжесть, а во рту – горечь, потому что я поняла, зачем я это делаю.

Иногда на это требуется время. На то, чтобы понять. Мне было бы приятно получить подарок от мамы, а значит, и ей будет приятно получить подарок от ее матери. Так я говорила себе у Фрэнка. Но мама бежала от своего прошлого всю жизнь, а потому это вовсе не подарок. Я наказываю ее. Я пытаюсь ее задеть.

Ее послушать, так я постоянно пытаюсь ее задеть. Обычно это выходит случайно, но на этот раз я действую сознательно, хотя и не сразу это понимаю. Я покажу ей Библию и скажу: «Гляди, что я нашла. Все это время я нарушала твои правила. Ты не сможешь вечно скрывать от меня мою семью».

Я снова открываю книгу, очерчиваю пальцем края подписи. Двенадцатый день рождения. Я не могу представить маму ребенком. Не могу представить даже, чтобы она читала Библию. Может, мама водила ее в церковь? Читала ей на ночь Писание?

Ее мама. Я прижимаю ладони к глазам и стараюсь дышать глубоко. Моя бабушка. Эта женщина – моя бабушка. У меня ее фамилия, ее кровь. Она была на самом деле. А может, и сейчас есть.

Нужно только ее найти.

Я перелистываю несколько страниц. Местами на полях встречаются рукописные комментарии. Подчеркнутые абзацы, партия в крестики-нолики поверх одного из заголовков.

– Принести что-нибудь еще? – спрашивает официантка. Я подпрыгиваю от неожиданности и поспешно захлопываю Библию, ударив себя по пальцам.

– Спасибо, не надо.

Она многозначительно смотрит на пустое место, где должна быть тарелка с едой. Я улыбаюсь.

– Разве что еще воды.

Она берет со стола мой полный стакан и ставит его обратно.

– Прошу.

Едва она уходит, я снова открываю Библию. Что-то вроде закладки выглядывает между страниц. Я осторожно перелистываю до нужного места, почти в самом конце книги.

Это фотография. Края жесткие и хрустящие, но глянцевая поверхность покрыта отпечатками, как будто кто-то просидел над ней немало времени, обводя пальцем запечатленную картинку. Я склоняюсь ниже. На снимке виден дом, а может, часть дома, выкрашенного свежей белой краской, гордо сияющей на фоне неба; яркое солнце засвечивает все остальное. Бескрайние поля, запорошенные снегом, размытые деревья на горизонте. Всё, кроме девочки на переднем плане. У нее по-детски круглое лицо и гладкая чистая кожа, и она тянет руки к человеку по ту сторону объектива и улыбается так широко, что можно разглядеть дырку на месте выпавшего переднего зуба.

Мама, думаю я. Девочка похожа на нее. На меня в детстве. Должно быть, это дом, в котором она выросла.

Я осторожно отделяю снимок от страниц. Маме я про него говорить не буду. Библию пусть забирает, но фотографию я оставляю себе. Когда-то она была совсем как я, но я такой, как она, не стану.

Я переворачиваю фотографию, чтобы сложить и спрятать в карман. На обратной стороне тоже есть подпись. Почерк тот же, что на титульной странице Библии. Эти слова писал один и тот же человек. Моя бабушка.

«Фэрхейвен, 1989 г., ферма Нильсенов».

И ниже:

«Помнишь, как это было? Я буду ждать. Приезжай, когда сможешь».

А еще ниже – сегодня определенно мой счастливый день! – телефонный номер.

Я улыбаюсь, и с губ срывается смешок. Я искала так долго, а оно всегда было рядом. Кто-то наконец позвал меня домой.

В Калхуне только один таксофон, в центре города. Я бы предпочла воспользоваться своим старым кнопочным телефоном без определителя номера, но у нас тариф без абонентской платы, и в этом месяце я уже потратила все деньги, пока полдня играла в библиотеке в игру, забыв подключиться к вай-фаю. Придется воспользоваться автоматом в торговом центре, и именно сейчас, пока мама на работе, а улицы пусты. Если повезет, меня никто не увидит и мама узнает обо всем этом чуть позже.

Будка, как обычно, свободна. Я протискиваюсь внутрь, кладу Библию на пластиковую полку под телефоном, достаю из кармана фотографию и осторожно ее расправляю. Номер на месте. Я ничего не придумала.

Неужели это действительно будет так просто? Найти фотографию в книге, стащить в закуской четвертак из банки для чаевых – и вот она, моя семья на другом конце провода?

Может, номер уже не обслуживается. Может, мне ответит другой Нильсен, который впервые слышит мое имя. А может, это будут родители моей мамы, которые ждали меня, ждали и хотели со мной познакомиться.

Я закрываю глаза на секунду, расправляю плечи. Кончай

мяться, говорю я себе. Делай то, за чем пришла. Жизнь с мамой всегда будет одинаковой, а это твой шанс изменить хоть что-нибудь.

Но, даже сняв трубку, я продолжаю слышать ее голос: *«Мы с тобой одни на всем свете».*

Одни, одни, одни.

Трубка оттягивает руку, и я изо всех сил стискиваю пластик в липкой от пота ладони. Четвертак из «Редмана» лежит в кармане. Мои родные ждут, когда я их найду. Действуй, Марго. Сейчас, пока мама не вернулась, пока дверь, которую ты сумела приоткрыть, не захлопнулась.

Я опускаю монетку в щель и набираю номер. Глубоко вдыхаю и жду, когда меня соединят.

Секунду ничего не происходит. Внутри волной поднимается тревога: номер слишком старый, не обслуживается, я никогда не найду свою семью, – но тут что-то щелкает, и я слышу гудки. Один. Второй. Еще и еще, и наконец...

Тишина. Мягкий шелест чьего-то вдоха. А потом совсем рядом, прямо в ухе, я слышу женский голос:

– Дом Нильсенов, Вера.

Я открываю рот. Жду, когда слова польются изо рта, но ничего не выходит. Надо было порепетировать, продумать, что буду говорить, но разве к такому можно подготовиться? К голосу другого Нильсена, к ответу, который я ждала услышать с десяти лет?

– Алло?

Но я не могу выдавить ни слова, и в повисшей тишине женщина на другом конце – Вера, ее зовут Вера! – произносит:

– Джозефина? Это ты?

У меня замирает сердце. И здесь она меня опередила.

– Нет, – говорю я. Выпрямляю спину, стараюсь вернуть себе хоть крупицу самообладания. – Это...

– Кто это? Вы что-то продаете? Мне такое не интересно. – Нетерпение и резкость в низком, загрубевшем с годами голосе. Похож на мамин, только у мамы никогда не было такого стального стержня. Это она. Женщина, которая подписала Библию и оставила маме свой номер. Моя бабушка.

Нужно просто сказать ей, просто представиться. Но я хочу, чтобы она поняла сама, узнала мой голос. Хочу удостовериться, что значу для мамы достаточно, чтобы рассказать обо мне другим людям. Пусть даже тем, от кого она всю жизнь меня прятала.

– Это я. – Вот и все, что я могу ей дать. Пожалуйста, пусть она поймет. Пожалуйста.

Я слышу судорожный вдох. Не знаю чей, мой или ее.

– Марго. Это Марго.

Какой-то крюк поддевает меня под ребра и тянет, тянет так сильно, что ощущение отдается во всем теле. Наверное, так бывает, когда получаешь желаемое.

– Да, – говорю я, и мне становится стыдно: мы едва обменялись парой слов, а я почти плачу. Я крепко зажмуриваюсь

и стараюсь представить эту женщину, но перед мысленным взором появляется лицо матери. — Это я.

— Это ты, — говорит она, и я готова поспорить на все деньги, что лежат у меня под матрасом, что она тоже на грани слез. — Моя малышка. Внушенька. Господи, как я рада услышать твой голос, милая.

У меня вырывается придушенный смешок, и я смахиваю слезы. В ее голосе звучит искренность.

— А я — твой.

— Я очень на это надеялась, — говорит она. Повисшую паузу я узнаю инстинктивно: она взвешивает риски, выбирает, что сказать дальше. Возможно, мама научилась этому у нее? Возможно, это тоже наследственное, как ранняя седина? — Твоя мать совсем прибрала тебя к рукам, — наконец говорит она. — Но я все это время думала о тебе.

— Я тоже, — говорю я так поспешно, что даже неловко, но это уже не важно. Это моя бабушка. Моя семья. Другие родственники, не мама.

— Где вы сейчас? Как поживаете?

Как много ей известно? О нашей жизни, о маме, обо мне?

— У нас все замечательно, — говорю я с толикой раздражения. У нас все замечательно, а если и нет, это наши проблемы.

— Хорошо, — мягко отвечает бабушка. — Рада это слышать.

До сих пор у меня не было даже образа этой женщины, даже того пустого контура, который от нее остался. Я поня-

тия не имею, как к ней обращаться.

– Мне... – Я покашливаю. – Мне называть вас Вера или...

Она смеется, громко и резко. Я все испортила. Выставила себя на посмешище.

– Предлагаешь мне выбрать?

Ах вот оно что.

– Ага.

Ей просто смешно. Она смеется не надо мной и не над моими словами. Ей просто смешно.

Я начинаю думать, что это самый приятный разговор в моей жизни.

– Только не баба Вера, – фыркает она. На фоне как будто поскрипывают половицы. – А «бабуля» звучит слишком слащаво.

Это происходит по-настоящему. Это правда, потому что она это сказала. Это доказательство, думаю я, и мне хочется записать эти слова в свой блокнот.

– Может, просто «бабушка»? – предлагает она.

Возможно, вежливее было бы первое время обращаться к ней по имени. Но, раз уж она предлагает сама, я отказываться не буду.

– Мне нравится.

– Мне тоже, – говорит она. Моя бабушка. Думать о ней как о бабушке оказывается на удивление легко. Впрочем, я ведь мечтала об этом всю жизнь. – Марго, я так рада, что ты позвонила.

Я чувствую, как по лицу разливается краска, а губы сами растягиваются в робкой улыбке.

– Правда?

– Ну конечно. Я очень давно хотела с тобой встретиться, но твоя мать... Сама понимаешь.

– Я могу приехать, – вырывается у меня. Наверное, я навязываюсь, но второго шанса у меня не будет. – Я приеду погостить на лето.

– Я бы очень этого хотела, – говорит бабушка, – но я не могу отнимать тебя у Джозефины. Приезжайте вдвоем.

Я едва сдерживаю смех. Чтобы мы с мамой приехали в гости к бабушке, как нормальная семья?

– Я не уверена... – начинаю я, но она уже все решила.

– Мы слишком долго не виделись. Приезжай в Фален и привози маму, моя хорошая.

Фален. Видимо, там и находится ферма Фэрхейвен. Туда мне и надо.

– Я постараюсь, – говорю я. Это наполовину правда. Я собираюсь попросить бабушку, чтобы она дала обещание, чтобы поклялась, что будет меня ждать, но тут за спиной у меня скрежесут тормоза и хлопает дверь машины. Двигатель продолжает тарыхтеть, и в будку просачивается запах бензина.

– Какого черта ты делаешь?

Четыре

Я застываю. Мамин голос разрезает горячий воздух и впи-
вается мне между лопаток. Она должна быть на работе, се-
вернее школы, на другом конце города.

– Марго? – окликает бабушка в трубке, но я не отвечаю.
По коже пробегают мурашки, и мне становится трудно ды-
шать. Продолжая прижимать трубку к уху, я стискиваю про-
вод в кулаке и оборачиваюсь.

Мама стоит на тротуаре перед припаркованной машиной.
Руки в карманах рабочих брюк, голова чуть наклонена. Меня
начинает трясти от ужаса. Она слишком расслаблена. Вер-
ный знак, что дела у меня хуже некуда.

Солги, говорю я себе. Солги и извинись первая, пока она
не потребовала извинений. Если я сама выдерну чеку, взрыв
будет не таким разрушительным.

– А я как раз звоню тебе на работу, – говорю я. Ее не было
в офисе, она не узнает, что это неправда. – Хотела спросить,
не принести ли тебе обед, но...

– Дай сюда.

Она протягивает руку. Бабушка молчит, в трубке слышно
только ее дыхание. Она тоже ждет.

– Там уже автоответчик...

Но мама просто говорит:

– Трубку.

И от одного этого слова меня отбрасывает в сторону быстрее, чем я успеваю сообразить, что вообще пошевелилась. Мама подходит к телефону, и я протягиваю ей трубку.

Она не говорит ни слова. Просто смотрит на полку, на Библию, которую я выкупила у Фрэнка. На фотографию Фэрхейвена с подписью.

Она знает. Она не может не понимать, кому я позвонила, что я сделала. И все-таки она прикладывает трубку к уху и спрашивает: «Кто это?», словно надеется, что ошиблась.

Но она не ошиблась. Должно быть, бабушка что-то говорит, потому что у меня на глазах мама вдруг превращается в меня. Взгляд становится затравленным, поза – неуверенной; она вжимает голову в плечи и обхватывает живот рукой. Это я. Это то, чему она меня научила: защищаться и прятаться.

Такой матерью ее сделала Вера. В глазах мамы мелькает сочувствие, узнавание. Она понимает. Понимает, каково мне приходится, и все равно делает это со мной.

– Нет, – наконец говорит она в трубку. Ее голос слегка дрожит. – Я не могу.

Происходит нечто странное. Я не должна наблюдать эту сцену. Но я не могу отвести взгляд, потому что мне пришлось видеть маму в гневе и в страхе, с огнем между пальцев и с улыбкой на лице, но я никогда не видела ее такой. До этой минуты она для всех была незнакомкой. Даже для меня.

Пауза. Бабушка что-то говорит. Мама отворачивается к стене. Мне видно, как она сжимает кулаки, впиваясь ногтями

в кожу.

– Нет, – говорит она снова. – Я еще тогда сказала, что не вернусь, и обсуждать тут нечего.

Бабушка что-то коротко спрашивает, и мама мотает головой.

– Нет, – говорит она. – Ни за что. – Ее голос крепнет. Она готова стоять на своем. И если у нее получится, я никогда не увижу бабушку, никогда не пройду по мосту, который мы только что построили. Голос Веры становится громче, но я не могу разобрать слов. Если как следует прислушаться, если сильно-сильно захотеть, то можно предположить, что она произносит мое имя. «Приезжай, Марго, – говорит она. – Возвращайся домой».

Мама отнимает трубку от уха. Секунду мы с ней стоим неподвижно, затаив дыхание, но вот она вешает трубку с такой силой, что та слетает с крюка и повисает на проводе, покачиваясь взад-вперед.

– Эй, – говорю я как можно мягче, но мама резко поворачивается, хлестнув меня по щеке кончиками волос, и я торопливо отступаю под палящее солнце.

– Зачем ты это сделала? – выкрикивает она, вся красная от злости – только шрам выделяется белой полосой. За ее спиной поблескивает на солнце Библия. – Ты была у Фрэнка? Рылась в моих вещах? Я же запретила ходить туда без меня, Марго. Я же говорила.

– Что говорила? – Эту ссору определенно нужно будет за-

писать. — Ты ничего не говорила.

— Нет, говорила.

— Так же, как говорила про нее? — Я киваю на телефон. — Как говорила про Фален?

Она вздрагивает. Разумеется, ей знакомо это название. Это место, от которого мы бежали всю мою жизнь.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь. — Ее губы изгибаются в почти что зверином оскале, и, будь я умнее, я бы испугалась. — Даже не представляешь, Марго. Думаешь, поговорила с ней полминуты и теперь имеешь право поливать меня дерьмом?

— За то, что ты мне лгала? Да, имею. — Из груди рвется вопрос, который я хотела задать с того самого дня, когда написала в блокноте нашу фамилию. — Почему ты не рассказывала, что у меня есть бабушка?

— Я не собираюсь обсуждать это здесь. — Она приглаживает рубашку, заправляет волосы за ухо. — Я не буду ругаться с тобой посреди улицы.

Она пытается закрыться, но я ей этого не позволю. Вокруг ни души, горячий воздух дрожит над пустым тротуаром. Я слишком долго терпела. Вплоть до сегодняшнего дня, когда услышала, как бабушка называет меня по имени.

— Ты не хотела, чтобы я знала, что у меня есть семья? — У меня начинает дрожать голос. Ненавижу, когда такое происходит, когда я позволяю ей увидеть, что мне не все равно. — Не хотела, чтобы я знала, что где-то есть люди, которые ме-

ня любят?

– Эта женщина, – шипит мама, – тебя не любит.

У меня вырывается истеричный смешок.

– Да что ты знаешь о любви? – Нельзя, нельзя, нельзя так распыляться, у меня достаточно вполне конкретных поводов для злости. Я должна быть тихой, должна быть послушной, но я родилась на войне и не могу вечно избегать боя. – Ты даже не вспоминаешь о моем существовании. Я сама о себе забочусь – ради тебя. Да ты меня благодарить должна.

– Я должна благодарить *тебя*? – Она улыбается. Не сдержавшись, я улыбаюсь в ответ. Во время ссор я чувствую нашу связь сильнее всего. Она ослабляет бдительность и подпускает меня ближе, чтобы ужалить побольнее.

– Да, – говорю я. Я нутром чую, что это ловушка. Я не должна в нее попадаться. Но после того, как я поговорила с бабушкой и убедилась, что мама ни капли не раскаивается в том, что разлучила нас, что-то во мне ломается. Раз ей все равно, почему должно быть не все равно мне? Почему я должна сдерживаться ради нее? – Да, скажи мне спасибо. За то, что я пытаюсь обеспечить нам обеим нормальную жизнь.

Сперва кажется, что я задела ее за живое. Но это невозможно. Разве мои слова хоть раз пробивались через стену ее безразличия? И действительно, в следующую секунду иллюзия исчезает, сменяется мрачной решимостью на ее лице. Мне почудилось. Должно быть, просто игра света.

– Послушай меня очень внимательно, – цедит она сквозь

стиснутые зубы. — Я твоя мать. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что твоя жизнь принадлежит мне. Я подарила тебе жизнь. И я единственная, благодаря кому ты все еще жива. Я защищаю тебя. Так что это *ты* скажи спасибо *мне*.

Она дарит мне возможность закончить эту ссору, и раньше я всегда принимала протянутую мне руку. Всегда уступала, чтобы заключить перемирие, потому что оно того стоило. Потому что, кроме нее, у меня никого не было. Но теперь кое-что изменилось.

— А как же все остальное? — спрашиваю я. — Ты подарила мне жизнь, но этого мало, чтобы называть себя матерью.

Она мотает головой.

— Не смей.

Но меня уже не остановить. Я наконец-то могу озвучить все, что пульсировало в моих жилах столько лет.

— Не делай вид, что не понимаешь. Ты постоянно делаешь мне больно, мам.

— По-твоему, мне не больно? — Ее глаза сверкают, трясущиеся руки смахивают с лица волосы. — А? Как по-твоему? Как же я, Марго?

Как будто мы не отвечали на этот вопрос всю мою жизнь. И это становится последней каплей. В одну секунду я принимаю решение. Я стою перед ней, задыхаясь от боли и одиночества, а она спрашивает: «Как же я?»

— Не знаю. Тебе видней, — говорю я. Наверное, мне долж-

но быть сложнее говорить с ней в таком тоне. Но мне вдруг становится очень легко – как будто ветерком обдало. – Вот правда, мам. Мне все равно.

Я жду какой-нибудь реакции. Боли или, может быть, ответного облегчения. Но она лишь смеется. На ее лице появляется то самое безразличное выражение, которым заканчивается каждая наша ссора. Не понимаю, как ей удастся так быстро переключаться, как получается, что за считанные секунды важные вещи перестают иметь для нее значение.

– Я уже сказала, Марго. Я не буду это обсуждать. У меня обеденный перерыв, маленькая ты засранка, и я не буду тратить его на такие вещи. – Она кивает на телефонную будку, на Библию и фотографию. – Верни ее Фрэнку. Не знаю, сколько ты за нее заплатила, но она того не стоит. О том, откуда у тебя деньги, мы еще поговорим.

Она не понимает, что только что произошло. Я убеждаю себя в этом, когда она садится в машину и отъезжает от тротуара. Она не понимает, что этот разговор, это ее отрицание – ровно то, что мне было нужно. Теперь я готова уйти.

И даже если она поняла, я не уверена, что она попросит меня остаться.

Остаток дня я провожу в закуской и жду, когда стемнеет, чтобы вернуться домой. Мама уже спит. Она не просыпается, когда я прокрадываюсь в спальню, чтобы достать из-под матраса остальные деньги. Не просыпается, пока я меряю шагами гостиную в ожидании рассвета.

«Мы с тобой одни на всем свете». Она считает, что так будет всегда. Раньше я тоже так думала.

Наконец горизонт светлеет, и я понимаю, что время пришло. Я вкладываю три двадцатки между страниц Библии и прячу ее в шкафчике над плитой, а фотографию и остатки налички убираю в карман. Если ей понадобятся деньги, она их найдет. Это то, что я могу для нее сделать.

На улице еще держатся остатки ночной свежести. Я выпускаю косу, и волосы рассыпаются по плечам. У меня нет ни телефона, ни паспорта, но меня манит свет фонарей вдоль шоссе. Мимо проносится машина, и я даже не знаю, в какую мне сторону, на восток или на запад, но зато точно знаю, куда мне нужно. В Фален.

Пять

Утро застает меня в кузове пикапа, который я поймала у «Сэйфвея» в Калхуне, и, если бы его водитель задержал взгляд на моих голых ногах на полсекунды дольше, я бы к нему не села. Он предложил мне поехать в кабине или на грузовой платформе. Я выбрала платформу.

Джонни – так он представился – впервые слышал про Фален, но погуглил и, сверившись с картой, сказал, что может высадить меня прямо в центре. Я не ожидала, что Фален окажется так близко – каких-то три часа по проселочным дорогам. Я думала, что он где-то на востоке, у Омахи или даже в другом штате, но по меркам Небраски Фален оказался буквально по соседству с Калхуном. Мама бежала прочь без оглядки, но убежала не слишком далеко.

В конечном счете дорога заняла больше времени, чем я прикидывала. Перед самым Кроуфордом Джонни решил сделать остановку и вздремнуть, и все это время я провела как на иголках, готовая подорваться в любой момент, если на парковку свернет кто-нибудь еще. Но теперь осталось совсем немного. Я держусь за прицепленный к борту трос, привалившись к бесформенной куче брезента и мешковины; над головой – бескрайнее чистое небо.

Добраться бы только до Фалена и найти бабушку. А дальше она обо всем позаботится.

Здесь, на северо-западе Небраски, земля не так уж сильно изрезана полями. Всю дорогу нас окружали невысокие рубленные холмы, поросшие травой. Постепенно рельеф выравнивается, и в паре миль от дороги начинают мелькать одинокие дома.

Жизнь продолжается, как будто ничего не произошло. Интересно, чем занимается мама. Заметила ли она, что меня нет? Может, она уже едет за мной?

Я стискиваю трос так, что он врежется в ладонь. Ничего подобного. Мама наверняка рада моему исчезновению не меньше, чем я рада отъезду. Мне все равно. Я оставила ее в прошлом. Я обрела нечто новое.

Бабушку, а может, и не только. Возможно, у меня есть дедушка, тети, дяди, двоюродные и троюродные братья и сестры. Настоящая семья, как на картинках. Пока мы не приехали, я могу сколько угодно строить предположения и надеяться.

Если я правильно помню карту, мы должны въехать в город с востока, через зеленые поля, но моему взору предстает давно не паханный пустырь. Раньше эту землю обрабатывали, но она отдала все, что могла, и теперь бесплодна.

Город появляется словно из ниоткуда, выныривает из черной земли по обе стороны от разбитого шоссе. От самого Калхуна дорога в обе стороны была однополосной, но здесь, в городе, обочина рассыпается, расщепляется на куски, и в освободившиеся пустоты вклиниваются дома со знакомой

архитектурой, как будто Фален и Калхун проектировали по одним чертежам. Взгляд скользит по фасадам. Фэрхейвена, дома с фотографии, не видно. Это Фален, но еще не земля Нильсенов.

Через несколько кварталов дома заканчиваются, и мы выезжаем на городскую площадь. Джонни высаживает меня у прачечной, и его пикап, напоследок обдав меня выхлопами, от которых першит в горле, скрывается за поворотом.

Время близится к полудню. Вокруг тихо, безветренно и безлюдно, и, щурясь против солнца, я оглядываю город. Посередине носовым платком расстелен квадрат ухоженного сквера с круглой, вымощенной кирпичом площадкой по центру и двумя выступающими из земли трубами фонтана, из которых высокой аркой бьет вода, обдавая радужными брызгами бронзовые статуи играющих детей.

Как и Калхун, Фален – пустынный, обветшалый провинциальный городок, но в нем есть незнакомое мне очарование. Парк окружают магазины с низкими витринами и выгоревшими на солнце навесами, которые когда-то давно были выкрашены в яркие лубочные цвета, как в миниатюре или книжке с картинками. Большинство из них отсюда кажутся пустыми. Супермаркет – на покосившейся вывеске одно название, на большой стеклянной витрине краской написано другое. Аптека с неоновой вывеской «Хеллман» – в ней, по крайней мере, видно какое-то движение. За спиной у меня прачечная – за распахнутой дверью видно стены, выложен-

ные желтым кафелем, и вспученный линолеум на полу. Женщина за кассой с закрытыми глазами слушает рекламу по радио.

Добро пожаловать в Фален.

И это *все*?

Я сказала себе, что не ожидала ничего особенного. На самом деле, конечно же, ожидала. В глубине души я была уверена, что, едва ступив на родную фаленскую землю, почувствую, как она тянется ко мне невидимыми корнями. В глубине души я была уверена, что бабушка меня встретит.

Она где-то здесь. Я ее найду.

Из аптеки вываливаются несколько ребят моего возраста или чуть старше, и до меня долетает их смех. Я прячу руки в карманы и начинаю медленно обходить сквер, двигаясь в их сторону. Как минимум узнаю у них, где здесь можно позавтракать.

Чем ближе я подхожу, тем больше могу разглядеть. Трое обступили четвертую – девушку с длинными темными волосами, собранными в такой тугий хвост, что больно смотреть. Она держит что-то в руках и, звонко хохоча, оглядывается назад, на аптеку.

– Ни фига, – говорит кто-то из них, – мы теперь магазины обносим шутки ради?

Она поворачивается к говорящему.

– Это просто жвачка, Илай, – говорит она парню, который стоит чуть в стороне. Голос у нее низкий и хриплый, словно

она орала всю ночь или только что проснулась. – Хеллман, на минуточку, арендует помещение у моего отца. Ты правда думаешь, что он вызовет полицию?

– С чего ты взяла, что его зовут Хеллман? – спрашивает он, пока она раздает жвачку. – Что, по-твоему, в «Стокманне» всех продавцов зовут Стокманнами?

Девушка закатывает глаза. Я уже достаточно близко и вижу, что она красива своеобразной, какой-то потаенной красотой. Широко поставленные карие, в тон волосам, глаза, бледные тонкие губы. Она одета почти как я, в шорты и свободную футболку, но ее одежда, в отличие от моей, будто только что из примерочной, а шорты явно порваны специально.

– Успокойся. – Она забрасывает жвачку в рот и начинает чавкать, сверкая до неприличия белыми зубами. – Она стоит-то полтора бакса. Заплачу в следующий раз.

Юноша – он явно старше нас, но назвать его мужчиной не поворачивается язык – поддевает носком трещину в бордюре и вздыхает. Подобное смирение испытываешь, когда понимаешь, что изменить другого человека тебе не под силу. Мне оно знакомо по маме.

– Привет.

Я поднимаю глаза. Она смотрит на меня поверх голов друзей, выглядывает из-за их выгоревших на солнце волос. Никто из них ко мне не повернулся и вряд ли повернется. Ничего страшного. Мне они интересны не больше, чем я им.

– Привет, – говорю я. Получается как-то неправильно. Я знаю, как вести себя с родителями одноклассников, когда те спрашивают об отце, и с библиотекарями, которые вечно норовят всучить мне какую-нибудь шоколадку, но мои ровесницы для меня загадка. Как и с мамой, с ними всякое слово имеет какое-то скрытое значение, которое я никогда не могу угадать правильно.

Сердце пропускает удар, когда я вижу, что девушка отделилась от друзей и делает шаг в мою сторону. Минуту назад я бы сказала, что она безупречна, но теперь могу разглядеть пот у нее на лбу, влажный блеск на шее и сколы на бледно-розовых ногтях. Цвет лака совпадает с цветом жвачки, которую она держит в руке.

– Будешь? – Она протягивает мне жвачку. Голова набок, голос слишком невинный, слишком дружелюбный. Но улыбка на ее лице меня подбадривает. И я толкую эту девушку как умею – а как иначе, если много лет живешь с пустотой, которую некому заполнить: она ждет того, кто согласится присоединиться к ней, играть по ее правилам, катить с ней на великах по ночным улицам прочь из этого города.

Да, думаю я. Я могла бы стать для тебя таким человеком. Но я не успеваю ничего ответить: пожав плечами, она отворачивается к остальным. Я смотрю, как она снова вплетается между подруг и они, обнимая друг друга за пояс и путаясь в ногах, переходят дорогу и ступают на траву. Они передают смех по цепочке, как косяк, и юноша, помедлив,

неохотно следует за ними. На секунду я представляю себя среди них. Четвертая девушка в этом ряду. Моя ладонь в чужом кармане.

Все это не имеет значения. Я встряхиваю головой, привожу мысли в порядок. Девушка с ногами как спички и кожей, которую она не прячет от солнца, – вот что напрягает меня больше всего. Меня ужасает то, что я хочу быть такой. Хочу *быть с такой*. Хочу вскрыть ее и заглянуть внутрь, чтобы понять, как устроена ее жизнь.

Стараясь не вслушиваться в долетающие из сквера голоса, я захожу в аптеку. Мощный поток воздуха из кондиционера сдувает волосы на глаза, и секунду я стою в дверях, пока он выгоняет из меня лето.

В глубине аптеки за длинным прилавком сидит фармацевт и, подперев щеку рукой, листает каталог. Я ныряю в боковой проход. Я не прячусь. Просто не люблю ту первую секунду, когда меня замечает кто-то из взрослых и я набрасываю на себя образ хорошей девочки. Как покрывало на диван, честное слово.

Разумеется, я выбрала ряд с тампонами. К щекам приливает кровь, и я с пылающим лицом устремляюсь мимо прокладок и прочих вещей, которые не должны меня смущать – и не смущали бы, если б моя мать не вела себя так, будто существование моего тела оскорбляет ее чувства.

– Вам помочь? – окликает меня фармацевт, когда я собираюсь свернуть в соседний проход. Я замираю, чувствуя, как

губы сами собой растягиваются в вежливой улыбке. К тому моменту, как я поворачиваюсь к нему лицом, я излучаю дружелюбие.

– Да, пожалуйста. – Я с уверенным видом направляюсь к нему. – Я ищу Фэрхейвен. Или Веру Нильсен.

Я ожидаю, что он пожмет плечами. Лениво махнет в нужную сторону. Но едва я подхожу ближе, с его румяного лица вдруг спадает краска.

– Нильсен? – Он выпрямляется. – А вы ей кто?

– Никто, – быстро говорю я, повинувшись врожденной маминой осторожности. Слишком поздно. У него округляются глаза и отвисает челюсть.

– Боже мой, вы с ними просто одно лицо, – говорит он, и я думаю о маме, о ее лице, которое я унаследовала. Выходит, бабушка тоже похожа на нас. И, судя по реакции фармацевта, ничего хорошего в этом нет.

– Ну ладно. – Мне уже не терпится уйти. – Я, наверное, свернула не туда.

– Нет, постойте. – Его голос звучит дружелюбно, но рука тянется к стационарному телефону рядом с кассой. – Я позвоню в участок. Там вам помогут, если вы подождете пару минут.

Я не хочу ждать. Продолжая улыбаться, я ныряю в поток холодного воздуха из кондиционера и выхожу на улицу. Меня уже ждут.

Шесть

Та самая девушка стоит у аптеки с телефоном, бликующим на солнце. Услышав, как хлопнула стеклянная дверь у меня за спиной, она поднимает глаза от экрана.

– Ты не местная, – говорит она. Ее друзья расположились на траве в центре сквера, одна из девушек снимает футболку. Под футболкой оказывается купальник, и она визжит, когда парень толкает ее в фонтан.

Девушка прочищает горло. Я слишком долго тяну с ответом.

– Да. – Я оглядываюсь через плечо. Фармацевт прижимает к уху телефонную трубку и что-то говорит, не сводя с меня глаз. – Марго, – добавляю я, снова поворачиваясь к ней. – Я Марго.

– Просто Марго? – Не дождавшись ответа, она самодовольно и весело улыбается. Если она и знает, кто я, не похоже, чтобы она удивилась, как фармацевт. Она просто склоняет голову набок, так что ее лоснящийся хвост падает на плечо. – Я Тесс.

Из парка доносится смех. Я поглядываю в сторону ее друзей, но Тесс даже не шелохнется. Она продолжает смотреть на меня, надувая и лопаая пузыри украденной жвачки.

– Откуда ты? – спрашивает она.

Мне нельзя оставаться на виду у фармацевта. Я не знаю,

кому он звонит. Возможно, в полицию, и если я останусь здесь, то они найдут меня и могут отправить назад, к маме.

– Округ Калхун. – Обогнув Тесс, я выхожу на дорогу. Как выяснилось, прямота не всегда лучшая тактика. Я вполне могу выяснить все, что мне нужно, но действовать надо аккуратнее. – Ты не знаешь, где здесь можно поесть? Или, может, у тебя есть что-нибудь, кроме жвачки?

– Да, «Омни» открыт. – Она указывает на супермаркет с двумя названиями по ту сторону сквера.

– Покажешь мне? – Эта девушка знает о своем городе все, она может весь Фален спрятать в карман не моргнув глазом. В Калхуне тоже такая есть, но она никогда не подходила ко мне ближе чем на три фута. И все-таки я не думаю, что с Тесс будет сложно. Пожалуй, я смогу разговорить ее и выяснить, где находится Фэрхейвен.

Тесс удивленно вскидывает брови – вот же он, «Омни», рукой подать, – но улыбается снисходительно, как будто мне лет пять.

– Без проблем.

Я следую за ней, постоянно оглядываясь, чтобы убедиться, что на звонок аптекаря никто не приехал. Но на улице пусто. Только стрекот сверчков да палящее солнце, и я легко могу представить, что Тесс, ее друзья и фармацевт – единственные живые души в этом городе.

Приятель Тесс провожает нас взглядом, когда мы огибаем сквер и проходим мимо. Он слишком далеко, чтобы

утверждать наверняка, но, кажется, он хмурится. Тесс должна быть там, загорать на траве. Вместо этого она здесь, со мной.

Супермаркет похож на аптеку до степени смешения. Такой же кирпичный фасад. Такая же просевшая на петлях дверь, которая жалобно скрипит, когда мы заходим внутрь. Даже освещение внутри точно такое же – жужжащие желтые флюоресцентные лампы. Кондиционер не работает, и кассирша обмахивается дешевым журнальчиком.

– Привет, Лия, – говорит Тесс. Кассирша не реагирует, но Тесс совершенно не смущается. Она уверенно шагает мимо полок – наполовину пустых, как будто магазин только что обнесли, хотя, скорее всего, тут всегда такой выбор. Тесс ведет меня в самый конец, к ряду пустых холодильников у дальней стены.

Она прислоняется к одному из холодильников, и ее сложенные на груди руки покрываются гусиной кожей. Я отворачиваюсь и принимаюсь изучать ценники на ящиках с помоями овощами.

– Марго, – говорит она так, будто пробует мое имя на вкус. – Так за что тебя?

– Обычно так спрашивают в тюрьме, – говорю я хмуро. Тесс только смеется.

– Куда, по-твоему, ты попала?

Что-то сжимается у меня внутри. Я не знакома с этой девушкой, я не знаю о ней ровным счетом ничего, зато знаю,

как выглядят деньги и как звучат люди, не осознающие своих возможностей.

Иди к черту, думаю я. Я бы многое отдала за то, чтобы сидеть в такой камере.

– А что здесь плохого? – спрашиваю я и беру мягкий почерневший банан. Кажется, надави слегка, и кожура разойдется. Я быстро кладу банан на место.

– Ну как тебе сказать... – Тесс выпрямляется, и пряди из ее хвоста липнут к дверце холодильника. Заметив, что я смотрю на нее, она улыбается. – Жуткая глушь. Скучища. Хотя насчет скучищи еще можно подумать, если ты приехала в Фэрхейвен.

Я замираю.

– Куда?

– Да брось. Seriously?

Неужели это настолько очевидно? Если бы не разница в возрасте, нас с мамой считали бы сестрами, а то и близняшками, и, возможно, с бабушкой та же история, но я не ожидала, что меня кто-то узнает.

Может быть, стоит ей рассказать. Когда я приехала в Фален, у меня не было причин что-то скрывать. Но едва аптекарь потянулся к телефону, я испугалась, и меня до сих пор не отпустило. «Опасно, опасно», – пульсирует в висках.

– Ну, дело твое, – говорит Тесс, когда становится ясно, что ответа не последует. У меня на глазах ее интерес улетучивается, а на лицо возвращается безмятежная улыбка.

Ей все равно. Если я не стану ее развлекать, значит, я не стою ее времени. Но мне все еще нужно найти бабушку. И Тесс может мне в этом помочь; надо только придумать, как задать вопрос, не выдавая лишнего.

Попробую ее разговорить. Пусть расскажет о себе.

– Этот магазин тоже принадлежит твоей семье? – спрашиваю я и беру с полки пакет чипсов. Тесс хмурится, и я быстро объясняю: – Я слышала тебя на улице. Дочка владельца.

– Это я. – Она ослепительно улыбается, но тут же закатывает глаза. – Да, они полгорода выкупили.

Наверное, она имеет в виду магазины. Или заброшенные поля, которые я видела на въезде в город.

– А поля тоже ваши? Мне показалось, что они довольно запущенные.

Тесс забирает у меня чипсы, вскрывает пакет и запускает в него руку.

– На востоке-то? Если запущенные, то не наши. А вот остальное – да. Но у нас тут везде разруха. При Нильсенах это был крупный сельскохозяйственный центр, но после засухи земля испортилась, и обрабатывать ее стало слишком дорого.

Я проглатываю накопившиеся вопросы. Еще рано.

Тесс отправляет в рот горсть чипсов, на пол летят крошки.

– Ты же видела? На въезде в город?

Я киваю. Такое может погубить целый город. Огромные поля, в одночасье превратившиеся в бесплодную пустошь.

Людей много, работы мало. Может, и бабушка от этого пострадала.

– Сажать-то мы, конечно, сажаем, – продолжает Тесс, – и Вера тоже, хотя на ее ферму без слез не взглянешь. Это бессмысленно, но попробуй ей это объясни. – Она качает головой. – Честное слово, не понимаю, какой смысл оставаться в этом городе.

– Так уезжай, – говорю я. Мама уехала из Фалена. Я уехала от мамы. Если очень захотеть, уехать можно откуда угодно.

– Ага, – говорит она после секундной заминки. Что-то мелькает за ее улыбчивой маской, что-то не предназначенное для чужих глаз. – Ну ладно.

Она подходит к кассе и машет кассирше, выуживая из пачки очередную горсть чипсов. Я иду следом.

– Доллар пятьдесят, – бросает кассирша, не поднимая головы от журнала, который теперь разложен на ленте.

– Спасибо, Лия, – говорит Тесс и выходит с моими чипсами. Я со вздохом оплачиваю чипсы и, дождавшись сдачи, выхожу за Тесс.

– Можно? – спрашиваю я и, не дожидаясь ответа, забираю у нее чипсы. – Слушай, насчет Веры...

– Тесс!

Мы обе вздрагиваем, и я вслед за Тесс смотрю в сторону сквера, где несколько минут назад были ее друзья. Теперь там только парень, и он стоит у велосипедной парковки, прикрывая ладонью глаза от солнца.

– Сейчас! – кричит она и снова поворачивается ко мне с почти виноватым выражением. – Это Илай.

Я повидала достаточно парней, и мне хватает одного взгляда, чтобы понять, что Илай из тех ребят, которые вроде как должны мне нравиться, но какое мне дело до его смазливового лица, если в мире есть такие девушки, как Тесс? Я прочищаю горло.

– А вы с ним...

Она смеется, ведет плечом.

– Смотря кого спрашивать.

Я спрашиваю тебя, хочется сказать мне. Но ее уже нет – она машет мне с противоположной стороны дороги, приглашая за собой.

Когда мы подходим ближе, Илай кивает в моем направлении – должно быть, так принято здороваться у фаленских парней – и молча протягивает свой телефон Тесс. Она берет телефон, закусив губу, пробегает взглядом по экрану и смеется.

– Охренеть, – говорит она. – Серьезно?

– Угу. Уилл говорит, что проезжал мимо по пути на работу.

Я чувствую себя ужасно глупо, не понимая, о чем речь, и, чтобы себя занять, запускаю руку в пакет. С оглушительным хрустом я заталкиваю в рот горсть чипсов. Илай оборачивается на меня. Ну и пусть. Я голодная.

– Сгоняем посмотреть? – Тесс разве что не приплясывает

на месте и сияет улыбкой. – Раз это снова случилось.

Что случилось снова?

Илай забирает телефон, прячет его в карман и подходит к одному из двух велосипедов, стоящих на парковке.

– Снова ты за свое. Ты ведь знаешь, как я этого не люблю. – Мне хочется спросить, что он имеет в виду, но он уже машет Тесс. – Поехали, найдем себе другое развлечение.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– О, ты должна это видеть, – говорит Тесс, игнорируя возмущенное хмыканье Илая. – Кто-то снова поджег поля Нильсенов.

Паника накрывает меня с такой силой, что ее слова доходят урывками. Бабушка. Это земля бабушки, и она горит.

– Поджег? – Наконец мозг с запозданием обрабатывает остаток фразы. – Снова?

– Да. Такое уже бывало. Новый пожар у Нильсенов, в честь твоего приезда.

Для нее это что-то вроде захватывающей байки. Но это не байка, а реальность. Она знает, кто я. И прямо сейчас ферма моей бабушки горит. А если огонь перекинется на дом? А если что-то случится с бабушкой?

– Никто не пострадал? – кое-как выдавливаю я.

Она пожимает плечами.

– Уилл не сказал.

Я слишком близко, чтобы все потерять. Я этого не допущу.

– Поехали, – говорю я. – Поехали туда.

Семь

Когда мы выезжаем по главной дороге в сторону окраины, солнце уже стоит высоко. Тесс едет первая, привстав на педалях. Илай ровно сидит в седле, положив руки на руль по обе стороны от меня. Сидеть на раме неудобно, и чувствуется, что ему мое соседство тоже не в радость, но после первого квартала я позволяю себе немного расслабиться, прекращаю концентрироваться на том, чтобы не касаться его кожи, и начинаю смотреть по сторонам.

За пределами центра город состоит в основном из одинаковых ветхих домов, которые мы проезжали утром. Облезлая краска, похожая на змеиную кожу в сезон линьки, покосившиеся балки – город как будто плавится от летней жары. Некоторые дома наглухо заколочены, на ступенях копится почта. Другие стоят нараспашку, и я успеваю увидеть кухню, какую-то женщину, которая отряхивает фартук от крошек, проверяя микроволновку, и пунцового от крика годовалого ребенка, оставленного без присмотра на своем высоком стульчике.

Мама жила здесь. Я легко могу представить ее на любом из этих крылец, в любом из этих домов. Интересно, откуда взялось желание уехать? Родилось ли оно вместе с ней или это сам город сделал все, чтобы она захотела сбежать? Возможно, уже тогда по Фалену ходили истории про Нильсенов.

Возможно, это были истории про нее.

Еще три квартала, и город заканчивается. Вот так просто. Дома, улицы, когда-то, наверно, засаженные деревьями, и мусорная россыпь машин вдруг сменяются засеянными полями и невыносимо пустым небом над головой.

– Ой, – вырывается у меня, и я чувствую спиной, как грудь Илая вздрагивает от смеха.

Тесс говорила, что ее семья еще сажает и моя бабушка тоже. Или, по крайней мере, пытается. Должно быть, это и есть ее – или мои – поля. Темная, иссохшая, пыльная земля и желтое море кукурузы. В это время года она должна быть по грудь высотой, цвета молодой зелени. Я знаю, о чем говорю: в окрестностях Калхуна достаточно кукурузы. Но здесь она другая. И я понимаю, что имела в виду Тесс, когда описывала бабушкину ферму. Здесь не так *все*.

Кукуруза слишком высокая, футов восемь, и какого-то странного тускло-желтого оттенка, как будто умирает, не успев вырасти. Я все жду, когда полотно полей прервется и мы увидим уходящие за горизонт тропы между рядами кукурузы. Но троп нет. Поле заросло напрочь, превратилось в непролазные кукурузные джунгли, и от переплетенных стеблей исходит горьковатый, почти химический запах. Мне хочется зажмуриться и представить, что Фален может дать мне нечто большее, но ничего не выходит. Потому что на горизонте густым черным облаком поднимается столб дыма.

– Довольна? – кричит Илай поверх моей головы. – На-

смотрелась?

– Не-а, – кричит Тесс в ответ. – Давай поближе.

– Это опасно, Тесс.

– Ты хотел сказать «круто».

– Ебануться, – бормочет Илай себе под нос. – Это же пожар.

Вряд ли он рассчитывал, что я услышу, но я услышала и рада этому, и, когда он налегает на педали, чтобы догнать Тесс, мне становится чуточку легче: в ожидании ссоры я всегда чувствую себя увереннее.

Конечно, он прав. Тесс ведет себя так, будто все происходит в сотне миль, будто это кино, а может, сон. И наверное, я бы испугалась, если бы не чувствовала почти то же самое. Тело отключается, работает только мозг, полный желания и тревоги.

Мы едем дальше. Небо опускается все ниже, затягивает дорогу горьким серым облаком, и вот уже кожу печет от пульсирующего жара, вот уже пламя ревет в ушах, и ветер гонит его в нашу сторону, а Тесс все мчит вперед, и хвост развевается у нее за спиной.

Дорога расширяется, и сбоку выныривает посыпанная щебнем обочина, которая вдается в заросли кукурузы. Тесс резко сворачивает, и Илай бьет по тормозам, так что я едва не кувыркаюсь через руль.

– Прости, – бормочет он, но мне больше нет до него дела, потому что отсюда видно огонь. До него каких-то полмили,

а то и меньше, и он несется по полю как пуля, подгоняемый ветром.

Всю жизнь я провела с зажигалкой в руке, но такой огонь вижу впервые. Дикий, яркий и красный, красный, красный – и он врзается в кукурузные стебли, как волны, и рассыпается брызгами искр и пепла.

– Черт, – говорит Илай. – Надо валить.

Тесс оставляет нас позади и подходит к самому краю обочины. Шоссе проложено по насыпи, и поля по обе стороны от дороги сперва ныряют вниз, в канаву, и только потом выравниваются. Оттуда, где мы стоим, поверх кукурузы видно, что огонь с каждой минутой охватывает все больше земли.

– Где пожарные? – спрашиваю я. – Разве они не должны приехать?

Тесс сует палец в рот и скребет ногтем по внутренней стороне зубов, потом глотает, и я забываю отвернуться.

– Они нескоро приедут, – говорит она. – Если вообще соберутся. – И широко улыбается без намека на сочувствие или хотя бы что-то похожее. – Земля Нильсенов у них не в приоритете.

– Все эти поля принадлежат Вере?

Тесс кивает.

– Ее дом в той стороне. – Она показывает в сторону пожара и, хотя дым слишком густой и мне ничего не видно, продолжает: – А вон там мой.

– Не боишься, что огонь перекинется к вам?

Должна же она беспокоиться хотя бы за свой дом. Но она только плечами пожимает.

– Да вряд ли, – говорит она так, словно до сих пор эта мысль не приходила ей в голову. – Ветер-то в сторону города.

Илай подходит к Тесс, встает рядом. Обнимает ее за плечи, а она прислоняется к нему, и у меня екает сердце. Выходит, они все-таки вместе? Или это просто дружеский жест?

Я отворачиваюсь, смотрю вдаль. Мама родом из этих мест. А где-то за пожаром, за полями – женщина, которой я дорога.

И в этот момент я кое-что замечаю. Макушки кукурузы покачиваются, и в океане желтого и золотого мелькает что-то белесое. Сощурившись, я силюсь разглядеть что-нибудь в дыму. Поначалу ничего не видно, и я с колотящимся сердцем и тяжелым дыханием вглядываюсь в заросли, пока кукуруза не вздрагивает снова.

– Вы видите? По-моему, там кто-то есть.

– Чего? – переспрашивает Илай.

Я едва его слышу. В поле кто-то есть, и к нему стремительно приближается огонь. Слишком медленно. Этот кто-то движется слишком медленно, если вообще движется. Ему не успеть.

Не успев осознать, что делаю, я бросаюсь вперед. Сбегаю вниз по насыпи, увлекая за собой лавину щебенки. Кукуруза колышется и потрескивает, подманивая ближе, и я слышу крик Илая – но кому-то нужна помощь.

Я ныряю в заросли, поднимая руки к лицу, чтобы защититься от хлестких ударов листьев; стебли изгибаются и смыкаются над головой, закрывая небо. Чем дальше, тем больше в воздухе пепла, и я уже не помню, где именно видела движение, где мелькнула чья-то голая кожа. Дышать становится больно: дым льется в горло, как вода.

– Эй! – кричу я сипло. Ответа нет, а может, мне просто его не слышно, и я продолжаю двигаться вперед. Жар лупит по коже, огонь наползает как туман. Руки уже покраснели, во рту пересохло. Разумнее было бы вернуться. Разумнее было бы вообще сюда не соваться.

Но я, согнувшись в три погибели, продираюсь вперед, вглядываясь в густой дым. Незаметно для себя я подобралась к пожару вплотную и чувствую под ладонями тепло, когда опускаюсь на четвереньки, чтобы лучше рассмотреть то, что вижу, – человека, лежащего на боку. Это девушка, девушка с длинными темными волосами, и она не шевелится.

– Эй! – кричу я и ползу вперед. Между нами ярдов тридцать. Встать уже не получится: наверху дышать невозможно. Небо скрылось окончательно, легкие работают из последних сил. До девушки осталось совсем немного. Она слишком бледная, слишком неподвижная. – Ты меня слышишь?

Выцветшее платье ей явно мало: швы расходятся, впиваются ей в ребра. Наконец я могу до нее дотянуться. Я протягиваю черную от сажи ладонь и трясую ее за плечо. Она не двигается.

– Ты жива? Эй!

Огонь трещит, шипит и плюется, и я вскидываю руку, защищая глаза от веера искр. Ветер разносит его слишком быстро – если не поспешить, пламя отрежет дорогу назад, и я окажусь в ловушке. Но я не могу ее тут бросить. Я не знаю, кто она и как сюда попала; просто знаю, что не могу ее бросить.

Я поднимаюсь на ноги, согнувшись пополам, чтобы легче было дышать, но это не помогает. Язык махрится от вкуса дыма, глаза слезятся. Я хватаю девушку за руку, другой рукой прижимаю ко рту футболку и тяну изо всех сил. Ее тело чуть-чуть сдвигается. Волосы свешиваются на лицо, черты размыты в дрожащем воздухе. Я тяну снова, но мне удастся подвинуть ее всего на пару дюймов. Я отпускаю руку, пытаюсь отдышаться.

Она слишком тяжелая, а дым слишком густой. Мне нужна помощь. В одиночку я не справлюсь. Обычно справляюсь, но только не в этот раз. Огонь слишком близко. Я не справлюсь сама.

– Эй! – кричу я через плечо. – Илай! Кто-нибудь!

Кто-то кричит, и, обернувшись, я вижу высокую фигуру: Илай пробирается ко мне через серую пелену, прикрывая лицо локтем.

– Тебя слишком долго не было, – кричит он, и я готова заплакать. Он пришел за мной.

– Тут девушка, – говорю я, когда он подходит ближе. Вос-

паленные глаза, на щеке копоть. – И ей плохо. – Или хуже, но сейчас это не имеет значения. – Помоги мне ее поднять.

– Я ее возьму, – говорит он и обходит меня. – А ты иди вперед.

Но я не могу ее бросить и поэтому смотрю, как он наклоняется, поднимает ее так, словно она ничего не весит, и закидывает на плечо. Ее голова свисает вниз, пальцы слегка согнуты.

Порыв ветра. Мимо свистит язык пламени, и мы отшатываемся назад. «Беги! Беги, Марго!» – вопит Илай сорванным от ужаса голосом, и я бегу. Бегу так, что каждый шаг отдается в костях и я забываю дышать, а когда все-таки делаю вдох, воздух выжигает мне легкие. Это не тот огонь, который я знаю. Он пожирает поле, иссушает кожу, вытягивает жизнь. Я беспомощно хватаю ртом воздух, но, попав в легкие, кислород превращается в пыль. Илай где-то сзади, но если я оглянусь, то увижу, как тянется ко мне пламя, а мне нужно бежать дальше.

Впереди в дыму появляется просвет, и я вижу обочину, засыпанную щебнем и битым стеклом. Тесс прижимает телефон к уху, сине-красная в свете полицейских мигалок. На другой стороне дороги припаркована патрульная машина, и вой сирены заглушает рев пламени.

Еще шаг. И еще. Я справлюсь.

– Вон они! – кричит Тесс, заметив меня.

Мужчина в форме опускается на колени у края насыпи и

протягивает мне руку.

– Пойдем-ка, – говорит он, не сводя глаз с Илая у меня за спиной. Я хватаюсь за протянутую руку. Он рывком поднимает меня на дорогу и тут же отпускает, и я падаю на четвереньки.

Свежий воздух обжигает легкие холодом. Кажется, я разучилась дышать.

Кто-то приседает рядом со мной.

– Ты жива!

Это Тесс, и ее лицо искажено страхом.

– Помогите! – доносится до меня крик Илая, и я пытаюсь подняться, но Тесс удерживает меня на земле.

– Они сразу за тобой, – говорит она, поглаживая меня по лбу. Я закрываю глаза и делаю очередной жадный вдох.

– Черт, – говорит один из полицейских. Я открываю глаза и вижу, как он фуражкой сбивает с платья девушки огонь, который уже прожег ткань и докрасна опалил кожу. Илай с плотно сжатыми губами и круглыми глазами поспешно передает девушку на руки другому полицейскому.

Тесс помогает мне подняться на ноги. Ее лицо выглядит иначе, словно в суматохе она забыла надеть то отточенное скужающее выражение, которое носила прежде.

Мимо нас проносится пожарная машина, хотя проку от нее, наверное, будет немного. Огонь распространяется слишком быстро. Он пожрет это поле и то, что за его пределами, и затухнет по своей воле, а не потому, что кто-то его

потушит.

– Я положу ее на землю, – говорит полицейский с девушкой на руках. – До приезда скорой.

Илай без сил опускается на щебенку.

– Скорая не понадобится.

Я подхожу к девушке. Платье в цветочек, с высоким горлом и пышными рукавами, которые впиваются в руки. Такие носили лет двадцать назад. Или сто. Я опускаюсь рядом на колени, игнорируя окрик полицейского.

Ее голова смотрит в другую сторону, а волосы закрывают лицо, и мне видно только слегка приоткрытый рот. Я поворачиваю ей голову. Она еще теплая, тепло ее тела вытекает мне на руки. Один из полицейских хватается за плечо и велит прекратить, но поздно: волосы с седыми прядями на висках соскальзывают с лица...

– Черт!

Хватая воздух, я отползаю назад, пока не упираюсь в ноги полицейского.

Бледное веснушчатое лицо. Прямой нос, жесткий подбородок. Глаза широко распахнуты – темные, пронзительные и пустые, пустые, пустые. Мне знакомо это лицо. Это мое лицо. Лицо моей мамы.

Земля Нильсенов, мелькает в голове нелепая мысль. Мертвая Нильсен на земле Нильсенов. Полицейские что-то обсуждают, а Тесс произносит мое имя, и я чувствую ее ладонь на плече, но это не имеет значения.

Потому что передо мной лежит незнакомка с моим лицом.
И она мертва.

Восемь

В одну секунду я переворачиваюсь на четвереньки и извергаю на обочину съеденные чипсы в потоке желчи.

– Господи, – говорит один из полицейских, и его голос, чужой голос, возвращает меня к реальности. Руки полицейского смыкаются у меня повыше локтей и рывком поднимают меня на ноги. В следующую секунду рядом возникает лицо Тесс с отвисшей челюстью и выпученными глазами.

– Кто это? – спрашивает она. – Я не понимаю.

Я тоже не понимаю: ведь вот она я, живая, и я же распротерлась на дороге в старомодном платье, и какую-то секунду, а может, целую вечность я пытаюсь понять, кто есть кто. Я – та, что жива, или другая? *«Сестра, сестра»*, – стучит в висках, но ведь это невозможно. Я бы знала, если б в мире была другая я. Разве нет?

«Нет, – шепчет голос в голове. – Откуда бы? С самого твоего рождения мать выстраивала вокруг вас стены». И возможно, вот почему.

– Отойдите, мисс Миллер, – говорит Тесс полицейский, который держит меня за плечо. Коннорс, судя по значку на груди. Я концентрируюсь на затертых исцарапанных буквах – по крайней мере, они реальны. Другую руку он как будто ненароком положил на кобуру. Очень неубедительно. – Сейчас же.

– Зачем? – спрашивает Тесс. Илай тянет ее в сторону. – Марго. Марго, ты...

– Я сказал, отойдите, – повторяет Коннорс жестче.

Он все еще меня не отпустил. И вряд ли в ближайшее время отпустит. Я не знаю, о чем он думает, но ситуация явно не в мою пользу. Я бы хотела объяснить им, что произошло, но как увязать все это в правдоподобную версию? Девушка все так же лежит на земле. Все так же таращит в небо невидящие глаза. Кто она – моя сестра, которую мама бросила, когда уехала из Фалена? Или это мой мозг подсунул мне мою мечту в виде ночного кошмара?

Первый полицейский, Андерсон, встает передо мной, загораживая тело. На секунду меня охватывает облегчение, но тут я ловлю его взгляд. Недоверчивый, обвиняющий взгляд, и, хотя мне это не нравится, по крайней мере, это что-то знакомое. Я не раз видела его у мамы.

Он высокий. Лицо загорелое, темная форма пропитана потом.

– Я бы спросил, как тебя зовут, – говорит он, – но могу и сам догадаться.

– Марго, – отвечаю я, и тут до меня доходит, что он имел в виду. Нильсен. Кем еще я могу быть, с моим-то лицом?

– Давай-ка их в участок, – говорит Коннорс. – А здесь пусть разбираются криминалисты.

Андерсон не двигается с места.

– Подожди. – Он не сводит с меня глаз. – Значит, так, Мар-

го. Ты можешь рассказать, как все было? Что вы делали в поле?

Мимо с пронзительным воем проносится еще одна пожарная машина, и ее сирена, кажется, сотрясает весь мир. Я чувствую, как тело пытается вернуться в норму, успокоиться, несмотря на бегущий по венам адреналин.

– Мы?

Наверное, он про нас с Илаем. Если только...

– Вы с сестрой, – уточняет Андерсон.

От этих слов внутри меня что-то переворачивается.

– Нет, – говорю я и успеваю сделать один шаг к нему, прежде чем Коннорс дергает меня назад, перехватывая покрепче за руку. – Нет, она мне не сестра. Я ее никогда раньше не видела. Ни разу. – Я не могу молчать. Я хочу, чтобы он это понял. Я должна понять это сама – то, что эта девушка мне не сестра. Она не дочь моей матери. Это невозможно.

– Никогда? – Андерсон поднимает брови. – Ни разу в жизни? Верится с трудом. Думаю, ты и сама догадываешься почему.

– Марго все утро была со мной, – вклинивается Тесс.

Он и ухом не ведет.

– И, думаю, ты понимаешь, почему мисс Миллер я тоже не верю.

– Она говорит правду. – Это Илай, все еще бледный и пришибленный. Он сжимает и разжимает кулаки, словно пытается избавиться от ощущения лежащего на руках тела. –

Мы сами привезли сюда Марго. Это не она. — На секунду он встречается со мной взглядом. Я почти слышу, как он спрашивает: «*Да ведь?*»

— Клянусь. — У меня дрожит голос. — Я только этим утром приехала в Фален. — Мне дико стоять здесь и говорить об этом, когда на земле лежит мой двойник. Но для них ее существование вовсе не так нереально, как для меня. Для них это просто еще одна девушка, которую они видят впервые. Обыкновенная история. В поле уходят две девушки, а возвращается одна.

— Вон оно что, — говорит Андерсон с фальшивым пониманием. — Ты только что приехала и впервые в жизни видишь эту девушку. Предположим, что это правда. Что произошло?

— Тесс и Илай узнали про пожар. — Мне хочется посмотреть на Тесс, чтобы она подтвердила мои слова, но я знаю, что, если отведу взгляд хоть на секунду, Андерсон сочтет это доказательством вины. — Они хотели... Мы хотели посмотреть. Поэтому поехали сюда.

— Выходит, когда вы приехали, пожар уже начался?

— Да. — Я пытаюсь вспомнить, как все было. Тесс или Илай — кто из них получил сообщение? — Кто-то увидел пожар и рассказал нам.

— Потому что это земля Нильсенов. — Андерсон кивает на поля, на подступающий все ближе огонь. — Можешь выдумывать что хочешь, Марго, но вы с ней Нильсены. В нашем городе это кое-что значит.

– И что же? – спрашиваю я, и не только для того, чтобы бросить ему вызов: я должна знать.

Андерсон невесело улыбается.

– Проблемы.

Марево адреналина отступает, и на его место приходит покалывающая, пульсирующая, смазанная боль.

– Я не вру. Мы смотрели на пожар, и я увидела, что в поле кто-то есть. – Земля вдруг уходит из-под ног, жар накатывает волной и отступает снова. Мне нужна вода. Нужно присесть.

Вдох. Глаза на полицейского.

– И я пошла посмотреть.

– Просто взяла и побежала в огонь? – не отступает Андерсон. – И не испугалась?

Тут надо быть осторожнее. Я одна, и они неспроста не допрашивают Илая, который вынес тело с поля. Представь, что перед тобой мама, говорю я себе, и она в ужасном настроении. Что ты ей скажешь?

– Конечно, испугалась. Но я подумала, что кому-то нужна моя помощь.

– Понимаю. – Андерсон кивает, как будто поверил, но ни один мускул в его теле не расслабляется. – И ты побежала на помощь. Что дальше?

– Лиланд и Полк уже едут, – говорит Коннорс. Он кивает третьему полицейскому, который расставляет за спинами Тесс и Илая дорожные конусы. – Мезер их встретит. Поехали? Воды бы ребятам. И врача.

Врач. Я опускаю глаза на опаленные ладони и вдруг чувствую, как печет кожу на лбу, как будто тело только сейчас осознало, что ему больно.

– И что ты сделала потом? – давит Андерсон, наклоняясь вровень со мной. – Коннорс прав, тебе нужно получить первую помощь, но сперва мы должны расставить все точки над «i», Марго. Сейчас.

Не обращай внимания, твержу я себе, не обращай внимания на опаленную кожу и огонь, все еще ревущий в венах. Сперва нужно закончить с этим.

– Я попыталась ее поднять. Но не смогла. А потом пришел Илай. Он ее вынес. Потом приехали вы.

Секунду никто не двигается. Возможно, у меня получилось? Возможно, мы все просто оказались не в том месте и не в то время, и в этом нет нашей вины.

Андерсон вздыхает.

– Все было бы куда проще, если бы ты перестала врать.

– Я не вру, – говорю я. Это все, на что меня хватает. Я слишком устала и ничего не понимаю. Эти люди расспрашивают меня о пожаре, когда главный вопрос лежит на земле с распахнутыми глазами и остановившимся сердцем. Часть меня хочет снова упасть рядом с ней на колени, соприкоснуться с ней лбами, убедиться, что глаза меня не обманывают; другую часть начинает мутить от одной только мысли об этом.

– Ясно, – говорит Андерсон. – Раз так, поехали в участок.

Коннорс слегка ослабляет хватку на моем локте.

– И еще надо позвонить Вере.

– Само собой, – кивает Андерсон, покачиваясь на пятках. – Но это подождет. Сперва мы с Марго побеседуем.

– Послушайте! – Тесс сбрасывает с себя руку Илая и шагает к нам. Труп она обходит по широкой дуге, но в остальном по ней и не скажешь, что она вообще заметила лежащее на дороге тело. В ней нет ни капли того страха, что скрывается за всеми моими поступками. – Вы не можете ее увезти. Мы несовершеннолетние. – Она встает передо мной, слегка цепляя плечом. – К тому же я уже сказала, что Марго все утро была со мной. Не знаю, что вы там себе придумали, но это правда.

Андерсон на секунду прикрывает глаза.

– Прибереги эти сцены для участка.

– Она тоже поедет? – спрашиваю я.

– Естественно. Все трое. – Андерсон кивает Коннорсу, и тот, отвернувшись от нас, что-то говорит в пристегнутую к плечу рацию. – Оттуда сможете позвонить родным.

Родным. Маме. Я об этом даже не думала, а стоило бы. Я должна была беспокоиться об этом с самого начала, потому что они расскажут ей, где я, расскажут, что у меня неприятности, и она будет в бешенстве.

– Спокойно, – говорит мне Тесс, и я с удивлением вижу на ее лице серьезность. Наверное, мне никогда не понять эту девушку с краденой жвачкой и хитрой улыбкой. – Мой отец

обо всем позаботится. Я с ним поговорю.

– Поговори, поговори, – улыбается Андерсон, и от веселья в его голосе мне становится не по себе. Он наслаждается этой ситуацией. Этот хаос, кошмар, труп неизвестной девушки – он этим наслаждается.

Меня ведут к ближайшей машине. Наверное, стоит сказать спасибо, что обошлись без наручников. С другой стороны, я ведь ничего не сделала. Я ни в чем не виновата.

Но перед глазами у меня стоит ее пустое лицо. Меня сажают на заднее сиденье, винил липнет к голым ногам, а раскаленный ремень врежется в кожу, но я продолжаю видеть ее лицо. Я вижу, как она смотрит в никуда и одновременно смотрит на меня.

Полицейский участок Фалена располагается в центре города, на углу напротив аптеки. Парковка общая с церковью и мэрией, двухэтажным кирпичным зданием с грязными окнами и табличкой, на которой не хватает половины букв.

Здание участка производит такое же унылое впечатление, но осмотреть его как следует я не успеваю: Андерсон вытаскивает меня из машины и, нигде не задерживаясь, проводит через вестибюль в просторный офис с кучей столов.

Он оставляет меня там, на неудобном пластиковом стуле у своего рабочего места, и скрывается за дверью примыкающей к офису переговорки – бросив напоследок, что в моих интересах сидеть смирно.

В участке холодно: кондиционер работает на полную мощность, и под окном уже скопилась лужа конденсата, пропитавшая ковер. Я обнимаю себя за плечи, с тоской вспоминая оставшуюся в Калхуне одежду. Так холодно мне бывало только зимой, когда нечем было платить за отопление и мы с мамой допоздна засиживались на диване. Мы жались друг к другу, и она невольно грела меня своим телом; это было лучшее проявление заботы, которое я от нее видела. То, что она дарила вынужденно.

Что она сделала, когда поняла, что меня нет? Попыталась ли дозвониться? Поняла ли, что я оставила телефон дома? Может, она вообще меня не ищет? А может, это ровно то, чего она ждала всю мою жизнь? Чтобы я ушла сама и ей не пришлось меня заставлять?

Я не знаю, что хуже. Я уехала, чтобы отделиться от нее и чтобы стать ближе. Порой я пытаюсь представить, как объяснить это другим людям. Да, все именно так, как они думают, и нет, все совершенно иначе, и еще миллион нюансов. Я всегда буду жалеть, что не была частью ее жизни, и всегда буду хотеть жить сама по себе, вот только пока не поняла, как сочетать эти желания.

Сегодняшний день еще больше все усложнит. Полицейские позвонят ей, расскажут, что произошло, и для нее это будет настоящий подарок. Причина держаться от меня как можно дальше. Я знаю то, чего знать не должна. Я видела то, что она не хотела мне показывать. Мою сестру.

Потому что это единственное объяснение. Можно было предположить, что сходство мне привиделось, но ведь остальные тоже его заметили. Андерсон сам это сказал. Я и моя сестра. Девушка, которую я никогда не знала. Никогда не узнаю.

Но все во мне противится этому объяснению. Картинка не складывается. Мама в роддоме с двумя младенцами в руках. Мама выбирает меня. Оставляет меня себе. Нет, это невозможно.

Почему она не отказалась от нас обеих?

И если у нее был выбор, почему выбрала меня?

Может быть, в этом все дело. Она ошиблась, выбрала не того младенца, и эта ошибка отравляла ее существование с самого моего рождения. Сгорбившись, я прячу лицо в ладонях. Я приехала сюда в поисках бабушки, в поисках семьи, и вот что я получила. И поделом.

Дверь открывается. Я выпрямляюсь и вижу, как в офис заходят Тесс и Илай в сопровождении Коннорса, на лице у которого написано горячее желание умереть.

– ...Не терпится ему позвонить, – заканчивает Тесс и с торжествующей улыбкой поворачивается к Коннорсу, продолжая пятиться задом, из-за чего едва не врежется в стол. – Потому что вы обязаны сообщить нашим родителям. Мне всего семнадцать.

– Я в курсе, – устало говорит Коннорс.

– Мой отец захочет поговорить с вашим начальником.

Они мигом разберутся. Как-никак, если дело затянется, придется отменить благотворительный прием, который мы организуем в поддержку полиции. — Она хлопает ресницами, улыбается мне, и я снова вижу перед собой девушку, которую встретила утром: бойкую на язык дочь маминой подруги. Наверное, такой же могла быть я, если бы выросла в Фалене. Хотя кого я обманываю? Я Нильсен, а значит, была бы той девушкой в поле. Телом в огне.

— О господи, — выдыхает Коннорс и указывает на свой стол рядом со столом Андерсона. — Сядь, пожалуйста, и посиди с закрытым ртом хоть минуту.

Он обходит Илая. Тот стоит с пустым взглядом, не вынимая рук из карманов. Возможно, его тоже мучит воспоминание о трупe.

— Куда же вы? — кричит Тесс вслед Коннорсу, который направляется к переговорке. — Разве вы не должны рассадить нас по разным кабинетам? Чтобы мы не договорились о показаниях?

За его спиной с грохотом захлопывается дверь. Через широкое окно видно, как он швыряет фуражку на стол и говорит что-то Андерсону, а тот закатывает глаза.

— Продолжай в том же духе, и кто-нибудь прикончит тебя в состоянии аффекта, — говорит Илай, тяжело опускаясь в кресло рядом со столом Коннорса.

Тесс довольно улыбается.

— Вот это будет смерть. — Но ее радость тускнеет, едва она

поворачивается ко мне. Могу представить, что она увидела. Слой пепла на волосах. Красная, покрытая волдырями кожа. Я пробыла в пожаре слишком много времени.

– Черт. Ты как?

– Нормально. – Я нервно покашливаю. – Спасибо вам, ребята. За то, что заступились.

– Мы просто сказали правду, – говорит Илай. Он смотрит на меня так же, как смотрели полицейские. Настороженно. С подозрением. – Это ведь была правда?

– Конечно, – торопливо говорю я. – Я понимаю, как это выглядит, но...

– Отвали от нее, Илай, – перебивает Тесс. – Она только что чуть не сгорела.

Он хлопает ладонью по столу Коннора.

– Как и я! Знаю, для тебя это просто байка, Тесс, но я тебя прошу: будь посерьезнее. У нас могут быть неприятности.

– С чего бы?

Я молчу, и Тесс встает между мной и Илаем. Она защищает меня. Не знаю почему, но она меня защищает. Я не собираюсь ей мешать.

– Я верю Марго, – продолжает она. – Она сказала, что приехала одна, значит, так оно и есть.

Илай мотает головой и рывком поднимается на ноги.

– Наивная.

– Я просто охренеть какая добрая.

Такое чувство, что они спорят по этому поводу не первый

раз. Они сверлят друг друга взглядом, и я жду, когда напряжение перельется через край и разразится буря, как это бывает у нас с мамой. Но Илай смягчается.

– Да, – говорит он. – И это тоже.

Тесс оглядывается на меня и торжествующе улыбается.

– Он вообще-то бывает нормальным, – говорит она театральным шепотом. – Редко, но бывает. – Илай страдальчески вздыхает, и она снова поворачивается к нему. – Можешь попросить у них аптечку?

– Еще что-нибудь? – спрашивает он холодно.

– Кофе со льдом. Новую тачку. Мир во всем мире.

– Напомни, почему мы друзья?

– На безрыбье и рак – рыба.

– Охренеть какая добрая. – Перед тем как отправиться в переговорку, он с улыбкой показывает Тесс средний палец, и она отвечает тем же.

– Прости за все это, – говорит она и падает в кресло Андерсона. – У нас такое случается.

Кажется, ее ничуть не беспокоит тот факт, что она сидит в полицейском участке в ожидании допроса. Наверное, легко быть смелой, когда тебе принадлежит весь мир. Когда знаешь: что бы ни случилось, неприятности обойдут тебя стороной. Тесс ничего не грозит. И раньше не грозило, а теперь тем более: это не ее, а меня полицейские вели под руки, как преступницу. Меня, копию погибшей девушки.

– Ты правда мне веришь?

– Ты увидела ту девушку и блеванула. Такое сложно подделать. – На секунду Тесс становится серьезной и понижает голос, хотя от полицейских нас отделяет закрытая дверь. – Но ты ведь понимаешь, как это выглядит? Знакомы вы или нет, она наверняка твоя родственница.

Конечно, я это понимаю. На месте Тесс я бы задавалась теми же вопросами. Хотелось бы мне предложить ей объяснение, которое не развалится с полтычка.

Кто-то должен ее знать. У кого-то должно быть объяснение. Она была там, в поле. Не с неба же она свалилась, верно?

– Ты говорила, что живешь недалеко от Веры? – спрашиваю я. – Если ты никогда не видела эту девушку... Как думаешь, могла она все это время прятать ее у себя в доме?

Тесс откидывается на спинку кресла, косится на дверь переговоров, у которой ждет Илай.

– Такое сложно сохранить в тайне. А ведь она примерно нашего возраста. Вот ты смогла бы восемнадцать лет скрывать чье-то существование?

Я бы хотела задать этот вопрос маме, но решаю об этом не говорить.

Она пожимает плечами.

– С другой стороны, у Веры нечасто бывают гости. Я сама никогда у нее не была.

– Seriously? Ни разу? – В это сложно поверить. Фален – город маленький. В таких с соседями стараются поддерживать хорошие отношения.

– Она несколько раз бывала у нас дома, но мы к ней не ходим. – Тесс демонстративно ежится. – Кукуруза-горгона. Жуткая женщина. Скоро сама увидишь.

По телефону мне так не показалось. У меня создалось впечатление, что с бабушкой будет лучше, чем в Калхуне. Я стараюсь не обращать внимания на холодок в животе. Мы поладим. Я в этом уверена.

Я смотрю, как Тесс вертит в руках стопку цветных стикеров со стола Андерсона. Несколько штук прилеплено к ящикам шкафа для бумаг, и фамилия на одном из них напоминает мою. Я наклоняюсь ближе, но прежде чем успеваю что-то разглядеть, Тесс с размаху лепит один из стикеров мне на лоб.

– Идеально, – говорит она. – Интересно, они ей позвонят? Вере. Или твои родители тоже здесь? Обалдеть, вот это я понимаю – сила генетики. Ваши фотки можно печатать в журналах в рубрике «Найди десять отличий». – Она поджимает губы и окидывает меня критическим взглядом. – И это должна быть задача со звездочкой.

– Все. – Я срываю со лба стикер. – Хватит.

Тесс кривится, и я немедленно чувствую стыд. Илай может себе такое позволить, может слегка щелкнуть ее по носу, потому что они давние друзья. А я? Кто я такая?

– Чего тебе? – Коннорс наконец открывает дверь перего-
ворки в дальней части офиса. Илай просит аптечку, не замечая, каким взглядом одаряют меня полицейские. Как бы ни

пострадала в огне моя кожа, это меньшая из моих проблем.

– Так что насчет родителей? – спрашивает Тесс.

Мне требуется несколько секунд, чтобы вспомнить, о чем она говорит. Кому они будут звонить?

– Они могут позвонить маме, – говорю я. – Но это бесполезно.

Судя по выражению ее лица, то, что для меня очевидно, для нее звучит как бессмыслица.

– Почему?

Если и есть способ доходчиво объяснить наши с мамой отношения, я пока его не нашла.

– У нас все сложно, – говорю я. Конечно, они ей позвонят, но это не имеет значения. Мама не смогла даже рассказать мне о существовании Фалена, и уж тем более она не поедет сюда по просьбе полиции. – К тому же я приехала к бабушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.